

A man and a woman in historical costumes. The woman, on the left, has voluminous reddish-brown hair and is wearing a white lace-trimmed blouse and a dark skirt. She is leaning her head on her hand. The man, on the right, has a beard and is wearing a red vest over a cream-colored blouse. They are standing in front of a stone wall.

Лусинда
Миллер

ПРОПАДАНКА

в Чусфут - Кам

18+

Люсинда Миллер

Пропаданка в Чуфут-Кале

«Автор»

2026

Люсинда Миллер

Пропаданка в Чуфут-Кале / Люсинда Миллер — «Автор», 2026

Эта необычная история случилась со мной в пещерном городе Крыма - Чуфут-Кале. Волею судьбы и сверхъестественной силы я провалилась во временной тоннель и оказалась в прошлом. Меня успели ранить, да и кто? Красавец-военный с небесными глазами! А любую попытку сбежать от него он тут же пресекает, решив что мое место рядом с ним. Но в настоящее меня тянет незнакомец, однажды спасший меня. Как сделать выбор между временами и мужчинами?

© Люсинда Миллер, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Люсинда Миллер

Пропаданка в Чуфут-Кале

Пролог.

Место действия происходит в Таврической губернии. В связи с искажением временного пространства, некоторая историческая информация может быть значительно изменена и дополнена автором.

Я ощутила острую, жгучую боль в правом плече, боль настолько сильную, что подкосились ноги и я упала на колени, не в силах сделать глубокий вдох - впускала воздух малыми порциями, сцепив зубы. Рой темных мушек перед глазами застилал обзор, холодным потом окатило спину и на краткий миг мне показалось, все, я умираю, а это пред агональная судорога охватывают моё тело. И свет, что разлился спустя скачок из темноты, надежда на спасение после мрачного глухого тоннеля и есть рай. Выход. Но боль, что пронзила меня спустя несколько секунд быстрого бега раскромсала надежду выжить: со мной творилось что-то не поддающееся логике.

От чего такая боль? Инфаркт? Но почему в правой стороне? И я еще так молода! Дрожащими пальцами прикоснулась к плечу, пытаюсь унять боль. Но ощутила нечто горячее, липкое и в ужасе заверещала, не помня момент, когда успела пораниться.

В нос ударил запах железа и теплая струйка крови вытекая из раны на плече, расплзлась алым пятном по белому рукаву, орошая траву и подол платья, не оставляя сомнений, что кровь моя и рана настоящая.

Откуда? Чем? О каменный утес, когда падала? Как я не переломала ноги – вопрос.

И тут я услышала нарастающий гул позади себя. Он приближался, словно грузовик-тяжеловоз, работая мощностями, сотрясая землю. Преодолевая боль, опираясь здоровой ладонью о землю, я кое-как нашла в себе силы и медленно обернулась на источник шума, не понимая, где я и что происходит. Но то, что я увидела превысило все мои фантазии: всадники, человек двадцать, одетые в мундиры и на лошадях, скакали галопом мне навстречу, хлеща коней и издавая горловые звуки. Казалось, они не видят меня и через минуту, настигнув, затопчут.

Боль на краткий миг отступила, потонув в большем страхе: где я и кто эти всадники? Я попала на съёмку фильма? В ужасе от происходящего я закричала что было сил и, повернув ногу, присела на пятую точку.

- Помогите! Остановитесь! Остановитесь..., - подняв неповреждённую руку над головой, стала размахивать, пытаюсь привлечь внимание.

Кони, мощные и взмыленные, понукаемые всадниками, приблизились, выбивая подковами жухлую траву и песок. Заржали и встали на дыбы, сдерживаемые под уздцы наездниками-мужчинами, одетыми в камзолы из далекого прошлого.

- Господи Иисусе, Аверьян, ты подстрелил девку! – громко произнёс один из всадников, испуганно поглядев на меня, потом на напарника.

- Вижу, Ярополк, - недовольно скривился стрелок и спрыгнул на землю. – Сам не рад, - и сделал по направлению ко мне два шага.

Что?! Боже, в меня стреляли по-настоящему? И во мне находится пуля? Реальность произошедшего окатила, словно ледяным душем. Меня затрясло, сознание затуманилось, и последнее, что я увидела – перепуганное лицо склоненного надо мной мужчины, перед тем как провалиться во мрак.

Глава 1. Незнакомец

Сентябрь в Крыму – это ещё один месяц лета. Туристы покидали полуостров, позволяя нам, крымчанам наслаждаться без лишней суеты бархатным сезоном: плавать в прогретой морской водичке, нежиться на берегу из мутно-белого кварца и ракушечника под нежными лучами ласкового солнца без риска превратиться в вареного омара.

- Вставай, соня, - пробубнил над ухом Рома и подцепив козырек кепки, заглянул в глаза.

- М-м, мне солнце глаза слепит, - оттолкнула я его ладонь, приподнимаясь на локтях. – Отстань, дай ещё позагорать.

- Мы ходим в бар, Ксень. Ребята по коктейлю хотят жажнуть. Тебе принести чего-нибудь?

- Рома, ты уже выпил пива. Не пей больше, - я поднялась и села, уравнивая наши лица и напряженно глядя парню в нетрезвые глаза.

- Да брось, детка, все под контролем, - и, мазнув пальцем по носу, выпрямился. – Куплю тебе сорбет. Какой хочешь?

Я недовольно вздохнула. Если Роман уходил в бар с друзьями, то мог зависнуть там до утра, забывая про назначенное свидание. Мы ссорились, потом я его прощала, какое-то время общаясь без эксцессов, но это неизменно повторялось, и я уже готова была распрощаться с ним навсегда. Но обучение в соседствующих институтах и частое пересечение в перерыве между лекциями в ближайшем кафе, а так же общие друзья нас снова сближали.

- Ежевично-манговый, - сказала капризно.

- Ха, если такой будет, детка. Нет, значит клубничный возьму, как ты сама, лакомка, - и, наклонившись, схватил меня за подбородок и грубо поцеловал, напоследок куснув.

- Ц-ц, Ром, ты зверь что ли?! – прижала подушечками пальцев прикушенную губу.

- Клубничный сорбет, - засмеялся и попятился. – Скоро буду. Жди меня, - и, развернувшись, побежал к прибрежному кафе.

Расстроено посмотрев в спину удаляющемуся парню, поднялась с лежака. Подруги мои тоже ушли в кафе, контролируя своих парней от лишнего возлияния, а меня эта компания тяготила. Обучаясь в институте – я в медицинском, а Рома в педагогическом, в рамках учебного процесса мы находили общие интересы, но отношения с Романом, скорее навязанные и с чисто постельным интересом с его стороны, разочаровывали. Мне хотелось искренности, совпадения вкусов и взглядов, взаимной любви.

Подойдя к кромке воды, я позволила волнам полизать мои стопы. Конечности радостно отозвались на прохладу и я поняла, что сильно перегрелась, пролежав под палящими лучами два часа.

Недолго раздумывая, отойдя на пару метров от края воды и отсчитав "раз, два, три", разбежалась и бросилась в море с криком: "Юху..., а...!" – плюхнулась в волны, погрузившись с головой, рассекая толщу водной глади руками, плыла в глубь моря, пока не заныли мышцы и в легких не закончился воздух.

Вынырнула, отплеываясь. Тело горело от перепада температур, голову студило ветром, в руках легкий тремор, но внутри меня полный восторг, ликование, полет в бездну. Оглянулась и охнула: я заплыла на ограничительные буйки. Вот что творит порой адреналин. Развернувшись, погребла медленно обратно, упав на спину и любуясь фигуристыми кучевыми облаками, словно сахарная вата, хаотично разбросанная по небу и кормящая тамошних ангелов.

Вдруг резкая, выкручивающая боль свела судорогой левую икру. Я невольно вскрикнула и забарахталась, чувствуя, что теряю контроль над телом, делая усилия руками, чтобы держаться на воде. Засучила ногами друг о друга, но одна перестала подчиняться, задеревенела и потянула ко дну.

Страх сжал тисками внутренности, посылая сигналы спасения в мозг, и я закричала на сколько позволили легкие:

- Помогите! Я тону! Тону! – захлебываясь криком, испугом и соленой водой.

У берега мельтешили единичные туристы, чайки горланили над головой, вторя моим крикам, но не принимая участия в помощи и я, уже мысленно прощаясь с жизнью, представляя, как вода разорвет мои легкие, а тело уплывет далеко в море и его даже не предадут земле, начала рыдать, изо всех сил пытаюсь выбраться из водной стихии и прибиться на мель. Но волны то толкали вперед, к берегу, то тянули обратно на глубину.

Я выдыхалась, черные мушки перед глазами заполнили обзор, застилая сапфировое небо, все больше затягивая в адовый тоннель, из которого можно выбраться только бесполом ангелом.

И когда я уже обессилела, перестав бороться, смирилась с участью утопленницы, неведомая сила подхватила меня из воды и потянула вперед, туда, где было больше света и воздуха.

Надежда на спасение обрела плоть, с силой вытаскивая к берегу. И когда я упала на спину и проехала, ощутив кожей царапающий песок, поняла, что спасена.

Дельфин?

- Ты жива? – пророкотал мужской бас над головой.

Не дельфин. Мужчина.

Я сфокусировала взгляд, пытаюсь разглядеть черты спасителя и не смогла: они расплылись, и лишь четкий, уверенный голос, подбадривая, давал надежду, что я не в раю, а еще на земле и жива.

- Да-да, жива, - прохрипела склоненному надо мной мужчине. – Только ног не чувствую.

- Сейчас помассирую и почувствуешь. Побежишь на них, - хохотнул и, схватив лодыжки, поочередно принялся массировать икры и стопы, разгоняя кровь по венам.

Я не протестовала против откровенных ласк, понимая, что незнакомец это делает не с интимным подтекстом, а ради спасения, но отчего-то его нежные растирания и утешающие нашептывания привели меня в смущение. С Ромой я не испытывала подобного, хотя мы встречались больше года.

- Спасибо тебе, мне уже лучше, - пошевелила пальцами стоп и села попой на дно, высвободив ноги из его ладоней и прижимая их руками.

Он сидел в воде, опираясь на колени и держал мои стопы у себя на бедрах, и эта поза была далека от безвинной, особенно если посмотреть на нас со стороны. Эта мысль меня отрезвила, устыдив.

- Лучше стало? Уже не сводит?

- Да, спасибо. Только больно теперь в икре.

- Пройдет. Главное, я вовремя успел. Шёл мимо, услышал крики. Думал бакланы раскричались, а смотрю за бумом барахтается кто-то. Ну и бросился на помощь.

- Спасибо еще раз, если бы ты не проходил мимо, я бы утонула. Уже прощалась с жизнью, - искренне благодарила парня, заодно и любясь им. Не только поступком восхищаясь, но и внешностью. Красивыми чертами лица, словно вылепленными скульптором, широкими покатыми плечами и загорелой кожей.

Божечки, о чем я думаю?! Озабоченная нимфоманка. Едва не утонула, а теперь смотрю на парня, как на Бога, готовая преклоняться и выполнять любое его желание.

- Тебя как зовут, нимфа? – насмешливо и ласково спросил мой спасатель. И лучики морщинок разбежались вокруг его глаз.

Я не могла определить их цвета – он сидел спиной к солнцу, но они светились теплом и участием. Доверившись, назвала имя.

- А тебя?

- Андриан.

- Андриан..., - словно в молитве повторила имя. – Ты мой спаситель. Я жизнью обязана!

- Да, брось. Я спас бы любого, - ответил парень с улыбкой и, поднявшись с колен, протянул руку. – Идти-то сможешь? Пробуй.

Я неуклюже поднялась и выпрямилась, игнорируя руку Андриана. Испытала неловкость, что наше знакомство произошло не столь романтично и мой внешний вид: затравленный, со спутанными волосами, с распухшим носом и красными глазами вряд ли располагал к симпатии парня.

- Ксения! – послышался окрик Романа и я испуганно обернулась. – Что произошло? Кто этот кент?

Рома, рассерженный и готовый вступить в драку, спешил нам навстречу, разрушив своим появлением чудесное мгновение притяжения с незнакомцем.

Глава 2. Чуфут-Кале.

Рома, не понял, что произошло, набросился с кулаками на Андриана, решив, что незнакомец меня домогался. Но Андриан, ловко увернувшись, вывернул его запястье и заблокировал удар. Выяснив отношения без кровопролития, они нехотя извинились друг перед другом и разошлись.

Мне было стыдно вдвойне: за свой вид и за неблагодарного парня. Роман так и не понял, что мне угрожала смертельная опасность. То ли в меру алкогольного опьянения, то ли в меру эгоизма и недалёковидности.

Я, ещё раз поблагодарив Андриана за спасение, под руку с Ромой ушла к своему лежаку.

Тот день мне запомнился надолго. И незнакомец с красивым и редким именем Андриан тоже. Я ложилась спать и грезилась о нём, представляя, как бы развились наши отношения, не приди в тот момент Рома. Я вообще забыла о нём, готовая раствориться в обаянии спасителя, и, если бы он позвал меня на свидание, не раздумывая согласилась бы.

Но судьба нас развела так же молниеносно как столкнула. Он, подхватив маску с трубкой для ныряния и послав мне на прощание лучезарную улыбку, пошёл дальше вдоль берега. Не забыв еще раз предупредить, чтобы была осторожнее и одна в море не плавала.

Так как Роман учился на историческом факультете и его друг Сашка, по совместительству парень моей подруги Варвары, то они нас уговорили совместить отдых и курсовую работу – посетить пещерные города в окружении Симферополя: Мангуп-Кале, Чуфут-Кале и Эски-Кермен.

Мы выехали из дома, едва забрезжил рассвет. Взяв термоконтейнер с холодными напитками и закусками, имея большое желание устроить пикник у подножия одного из культурных объектов, провести фотосессию и набраться новых, совместных впечатлений.

Варька по дороге пыталась меня насчет спасателя, услышав из уст Ромы в очередной раз напоминание о случае, произошедшем в море. Мы сидели с ней на пассажирском сидении и откровенничали.

- Если он такой ловкий, надо было ему номерок свой дать, Ксюш, - напутствовала Варька, сияя взглядом.

- Как ты себе это представляешь? – недоумённо прошептала подруге и, приложив палец к своим губам, покосилась на водителя. Склонившись к уху, добавила: - Я бы хотела еще раз с ним увидеться и понять, что за ощущения во мне рождаются в его присутствии.

- Сказочно и романтично! – закатила глаза Варя. – Как ты его описываешь, то там точно Бог - сын Посейдона, а не живой парень, - захихикала подружка.

Я щелкнула по носу мечтательницу и откинулась к изголовью. Адриан не выходил из головы уже неделю. Мне бы устыдиться, я вроде как с парнем, не свободная, но совсем не

чувствовала угрызений совести. Рома не внушал доверия и не уверена была, что верен был мне, пока мы состояли в отношениях, хотя и клялся в верности, если я начинала подозревать в обратном.

- Девчонки, мы прибыли, - обернулся к нам Сашка и подмигнул. – Сейчас пикничок организуем, на пледе в пещере побарахтаемся, да детка? - произнес с интимным подтекстом, за что Варвара влепила ему подзатыльник и прикрыла ладонью болтливый рот.

Эта пара не уступала друг другу по шалостям, словно брат и сестра и, если честно, они были слишком похожие, чтобы в будущем строить серьёзные отношения.

- Испачкаете мне салон - заставляю драить! – рявкнул Роман на расшалившуюся парочку.

- Ром, ну Варька первая полезла, что сразу угрозами сыпать, - произнёс заискивающе Сашка. – Варя, - обернулся и приказным тоном сказал: - Рома нас высадит и обратно автостопом или пешкадропом двинемся.

Варя, спрятавшись за меня, показала язык своему парню и средний палец.

- Не достанешь меня! Саня-конопатый, убил дедушку лопатой!

- Ну, держись, Варвар, заберемся в пещеры, месть моя будет беспощадная, - засмеялся довольно Сашка.

И вот так было постоянно.

Мы доехали до подножия крымских гор и, забравшись на максимально возможную высоту, припарковали авто на площадку и пошли покорять Эски-Кермен.

Солнце уже поднялось из-за гор, обещая теплый день. На мне было легкое платье до колен и джинсовая куртка. Мне пришлось её снять и перекинуть на руку. Подхватив легкий рюкзак с продуктами, пошла за ребятами. Парни шли впереди, а мы с подружкой следом. Варвара не выпускала из рук смартфон, щедро пополняя в нём фотогалерею.

Византийская крепость впечатляла «главной улицей» города, от которой в разные стороны отходили подземные казематы. А на склонах колыхались одичавшие заросли винограда, что возделывали когда-то горожане. Мы спустились в осадный колодец и побывали в церквях Успения Марии и Трех всадников.

Мангуп-Кале привлекал не своей древностью, а неопишуемой красотой, окружающей его буквально со всех сторон. Возвышаясь как исполин над тремя долинами, он представлял прекрасную площадку для обзора окрестных достопримечательностей. Здесь действительно захватывало дух: на руинах древнего городища, от созерцания этих красот место это казалось самым романтическим и волнующим на всей планете!

Из трех пещерных городов Чуфут-Кале впечатлил больше остальных. Настоящий город, в котором жили постоянно люди, занимались хозяйством, решали административные проблемы.

Мы сделали привал перед тем, как завершить последний бросок по лабиринтам древнего города. Разложили закуски на импровизированном столике – одном из каменных глыб с плоской поверхностью. Спрятавшись от солнца в тени деревьев, мы перекусили бутербродами и холодным, мятным чаем. Я сидела рядом с Ромой, привалившись к его плечу спиной и прикрыв глаза, представляла, что позади меня находится парень с редким именем Адриан. Он стал моим наваждением и, не смотря на то, что я ничего о нем не знала, кроме имени и благородного поступка, все мое существо тянулось к нему, как цветок к источнику света. Вторая половина меня стыдилась этих мыслей в присутствии своего парня, который как я чувствовала подозрительно на меня смотрел.

Покончив с обедом и немного отдохнув, мы снова отправились в путь. Забравшись в одну из пещер, с удивлением обнаружили несколько тоннелей, убегающими вглубь горы.

Я и Рома остались наедине, выбрав один тоннель, а Саша и Варя другой.

- Ксения, ты мне поможешь с рефератом. Поэтому смотри внимательно, подмечай все петроглифы, записывай пиктограммы и делай много-много фото.

- Почему это звучит как приказ? – возмутилась я, не желая его исполнять.

- Потому! – набычился Роман, уперевшись ладонью в скальный выступ. – Я все еще зол на тебя за любезности со спасателем и требую компенсации.

- Ты сам виноват, Ром, что бросил меня. И потом я могла нахлебаться воды и даже утонуть и если бы не этот парень...

- Ничего ты не утонула бы, не мели чушь! – прервал меня Роман, нависнув, и процедил в губы: - Ты моя! А я ревниво отношусь к своей собственности, запомни это, детка.

- Я не твоя и ничья собственность, Рома, - заявила самоуверенному нахалу. – И мне не нравится, как ты мною манипулируешь, - и, развернувшись к нему спиной, пошла вглубь пещеры, включив фонарик на сотовом.

Хотелось исчезнуть в глубине зловещего тоннеля, лишь бы не видеть злого и недоверчивого взгляда Ромы.

- Стой, Ксения! – приказным тоном окрикнул меня, но я решительно шла вперед, не желая ни минуты оставаться с ним рядом. - Ты меня достала уже своими капризами, истеричка, - двинулся по пятам, отчитывая и упрекая.

Обидные слова, словно камни отбрасывало в стены. Отражаясь, они гулко отдавались эхом и болью в сердце. Что я делаю рядом с этим парнем?!

Меня тянуло наружу, к другому выходу через лабиринты скальных ходов, будто преодолев узкие коридоры, я выберусь не только из Чуфут-Кале, но и в новую жизнь.

Роман меня нагнал и, схватив за плечо, резко развернул к себе.

- Я тебе сказал: стоять и слушать, что я говорю, - лицо его перекосило от злобы, белки налились кровью, превращая красивое лицо в рыло зловещего монстра.

Он меня поработал взглядом, пугал. И если я подчинюсь, то окончательно пропаду.

- Пусти меня! – вырвалась и, толкнув его со всей силы в плечо, пустилась бегом прочь.

Сотовый выскользнул из ладоней и, упав на каменный пол глухо застучал. Тьма окутала пространство. На секунду я затормозила, сожалея о потере и снова побежала вперед, подгоняемая невидимой силой.

Я мчалась по узкому горлу пещеры, к овальному окошку света, в надежде избавиться от давления парня и его самого. Сквозняк из узкого тоннеля нарастал, обдувая холодным потоком воздуха разгоряченную от бега кожу.

И когда до выхода из пещеры оставались считанные метры, обзор резко закрыла тень. Я вскрикнула от испуга и отскочила в сторону, больно приложившись спиной об острый угол каменного выступа.

Схватила за плечо, потирая ушибленное место и одновременно всматриваясь в темноту. Я чувствовала кожей присутствие чужеродной энергии, будто переступила запретную зону. Рома остался где-то там, в невидимых коридорах и мне на миг стало жутко.

- Кто здесь? – громко крикнула, а на самом деле пискнула. – Кто тут? Рома, это ты? – прохрипела.

- Migrare* - ответила тень властным незнакомым языком и приблизилась.

Разряд тока прокатился волной от кончиков пальцев ног до волос, на миг лишив меня дара речи. Я силилась вздохнуть, но лишь судорожно вибрировала гортанью, забыв о главном инстинкте выживания.

Я вскрикнула, тоненько пискнув, словно испуганная крыса, пытаюсь разглядеть нечто неизвестное рядом.

- Migrare, - повторило оно над головой, отражаясь гулким эхом перед тем, как потонуть в вязкой темноте. И падая в бесконечную бездну, я увидела светящиеся, пронзительные Его глаза – перламутрово-зеленого цвета..., цвета камня “кошачьего глаза”.

Migrare* - с латинского перемещаться.

Кошачий глаз* - имеется в виду горная порода полудрагоценных камней.

Глава 3. Аверьян

- Кладите её на повозку, поручик Сташевский.
- Брось еще одну шкуру, Яр, ей и так больно, ещё и растрясёт по пути.
- Что вы так распетушились перед крестьянкой, подумаешь ранили в руку. Русские бабы крепкие и не такое выносят.

- Дайте фляжку водки плесну на её рану.

Ко мне понемногу возвращалось сознание и я могла разобрать речь мужчин. Один из них держал меня на руках, плотно прижимая к груди, но при этом бережно, щадяще. Платье задралось и под коленями я ощущала колючее сукно его мундира и часть кожи руки, невольно смутившись от столь откровенного касания.

- Аверьян, камзол твой весь в крови девчонки, - заметил рядом стоящий мужчина.

- Ай, пёс с ним, позже вычищу. Тут главное, чтоб барышня не померла.

Что? Я могу умереть? Не хочу! Мне еще рано! – вопил мозг и я, дернувшись в чужих руках, распахнула глаза. Боль тут же пронзила плечо и я застонала.

- Тише, тише, дева, потерпи, - тихо произнес мужчина, державший меня на руках, и мы встретились с ним взглядами: на меня смотрели самые голубые глаза на свете – настороженные, удивленные и... знакомые.

Я силилась узнать его, но понимала, что этого мужчину вижу впервые.

- Кто Вы? – спросила охрипшим голосом.

- Тот, кто Вас подстрелил. Нечаянно. Простите, - посмотрел на меня умоляюще.

Все-таки мне не показалось и меня реально ранили. А потом спросила:

- Вы снимаете кино?

- Что такое кино? – задал он глупый вопрос и брови его дёрнулись вверх.

Может не расслышал?

- Ну фильм, эпизод погони...?

- Голову что ли зашибла..., - размышляя произнёс и пожав плечами, бросил на меня сочувствующий взгляд. Потом посмотрел на своих коллег, ища поддержки.

Я повернула голову в сторону рядом стоящих кавалергардов и, натолкнувшись на несколько пар недоумённых глаз, совсем сникла. Они меня принимали за сумасбродную девицу, камикадзе.

- Пустите меня. Отпустите на землю, - заелозила в жилистых руках, ощущая себя крайне неловко в объятиях зрелого мужчины.

- Вы слабы и теряли сознание, лучше я положу Вас в подводу.

- Пожалуйста, - умоляюще прошептала, напрягаясь все больше в окружении мужчин в форме.

Они не были похожи на кого-либо ранее виденных мною людей, но я приказала себе успокоиться. Может потеря сознания шалит с моей памятью и восприятием.

Поручик Сташевский, как называли товарищи моего стрелка, глубоко вздохнув и игнорируя мой протест донес меня до повозки, запряженной двумя лошадьми, и бережно опустил на дно, закинутое овчиной. Я неуклюже оправила здоровой рукой подол платья: в крови и грязный, которое напоминало скорее использованную марлю, чем модный сарафан из жатого хлопка.

- Нате, выпейте, - протянул капитан серебряную в рисунках фляжку и я, сев на попу, несмело приняла её и поднесла к носу. Спирт?

Мужчина, опередив мой вопрос, произнёс:

- Водка. Три глотка и на рану остальное. Вот, возьмите, - протянул мне белый платок.

- Приложите к ране.

Пила я только слабый алкоголь и осторожно поднеся фляжку ко рту, не решалась отпить.
- Пей, не отравишься, Аверьян сивуху не пьёт! – подбадривая, рассмеялся второй кавалергард.

Тогда как третий, смотревший на меня с недоверием, неприязненно скривившись, отвернулся и выругался, но я не смогла разобрать каким словом.

Я робко прикоснулась к горлышку серебряной фляжки и осторожно влила в рот напиток. Спирт обжёг слизистую, вызвав сильное слюноотделение, и я поспешно проглотила её вместе со спиртным, едва не закашлявшись. Слезы брызнули из глаз и я поспешила их утереть тыльной стороной ладони.

Мужчины рассмеялись моей неумелости. Тот, кого звали Аверьян, снисходительно посмотрел на меня и задал вопрос:

- Вас как зовут, дева? Или это тайна?

Смысл мне его скрывать?

- Ксения моё имя, - произнесла по слогам, пристально разглядывая его.

- Ксения... Аксинья то бишь, - улыбнулся Аверьян и глаза его на миг стали синее ясного неба, а легкие морщинки обозначились на загорелом лице. – Так откуда вы, Аксинья? Выскочила на поле, как с неба свалилась, - поручик забрал у меня флягу и положил в нагрудный карман.

- Может, Вы от жениха убегали, а мы перехватили? – подсказал второй военный и огладил пальцами короткую бороду, откровенно потешаясь.

Я подумала о Романе и что он остался где-то внутри пещерного города и наверняка ищет меня. Пусть мы и поругались, но не мог же он хладнокровно бросить меня и уйти. Промолчала, понутив голову не решаясь признаться в личном.

- Яр, не смущай девицу. Пусть рана её заживет и она сама расскажет, как попала из неоткуда на пастбища. Поблизости и сёл то нет.

Я прикоснулась к поврежденному плечу, радуясь, что кровь перестала сочиться, и тем не менее рана выглядела ужасно. Мне срочно требовался врач, а эти ребята не спешили отправить меня в больницу.

- А где у вас больница? Далеко? Мне бы поскорее туда попасть, - посмотрела на мужчин умоляюще. – Быть может у вас в штате есть доктор?

Мужчины переглянулись, недоумённо пожав плечами.

Неужели совсем плохи мои дела?

- Госпиталя в Охотничьем нет, только в Ливадии, где стоит наш полк. Но есть небольшой лазарет для раненных и хворых. Сейчас охота завершится и мы поедем. Прилягте пока.

Я, не имея выбора, окинула повозку взглядом: реквизиты выглядели настолько натуралистичными, что я невольно вздрогнула, представив себя в прошлом веке. Так резко захотелось домой, что внутри все сжалось от страха.

- Давайте помогу, - протянул руку Аверьян, коснувшись здорового плеча, и ничуть не смущаясь этого. – Понимаю, тут не очень чисто. Могу взять Вас в седло, - посмотрел в лицо, накрывая мои ноги попоной для лошадей.

- Спасибо. Но я боюсь их, - неуверенно улыбнулась.

- Но как же Вы ездите? – поднял брови Аверьян.

- Общественный транспорт, машина. Да как большинство людей, - ответила легко, чем вызвала недоумение на лице мужчины. – Но с Вами могу попробовать, - поспешила заверить.

Мужчина какое-то время изучал мое лицо, пробежал взглядом по открытому декольте, задержавшись на груди, и я инстинктивно положила на вырез платья ладонь.

- Простите, наверное, у Вас шок от ранения. Я не совсем понимаю о чём Вы толкуете.

Тут его позвал вновь прискакавший солдат и Аверьян, извинившись, отлучился. Я огляделась вокруг: впереди голые холмы: ни домов, ни столбов электропередач или вышек сотовой

связи; а там, откуда меня привезли, широкое поле и позади него лес. Зеленый, летний лес, насыщенный листвой. Хотя я точно помнила, что была осень. Сентябрь. Справа разместились еще военные с лошадьми и парой повозок. Мужчины с любопытством поглядывали в мою сторону, курили трубки и папиросы, двое тащили кабана за ноги и мне показалось, что он живой. Ну в смысле настоящий, только убитый.

Неужели ради натурализации сцены актеры забили животное? Охотились по-настоящему? По телу невольно прошла дрожь от мысли: куда же я попала и как так получилось?

Я отняла платок и осмотрела рану: кровь из рваной раны не сочилась и меня это порадовало. А вот боль еще ощущалась, отдавая в плечо и легкой головной болью. Я надеялась, что съёмка закончилась и мы скоро отправимся в город. Или село, мне было все равно куда, лишь бы в цивилизацию, в поликлинику и домой.

Послышался шум, конское ржание и я повернула голову: со стороны леса скакали еще три всадника, с грохотом отбивая копытами землю и создавая вихри пыли. Спешились недалеко от меня и заговорили с мужчинами, что меня нашли. Я желала лишь ускорить время, глядя на них в упор, а они что-то обсуждали, жестикулировали и лишь пару раз бросили на меня взгляд. Я заелозила, почувствовав, что уже хочу в туалет. Но оглядевшись и не увидев вагончика для справления нужд, занервничала. Если мы еще простоим час, а потом будем ехать какое-то время до села Охотничьего, я точно наделаю лужу в повозку.

Осторожно спустилась с подводы и прыгнула на землю. Лошадь фыркнула, дернувшись, покосилась на меня, но с места не сошла. Я пошла к кучке охотников, отыскать Сташевского и спросить про туалет. Аверьян стоял спиной и моего приближения не видел, и лишь заметив, что его собеседники замолчали, уставившись ему за спину, обернулся.

- Здравствуйте, - улыбнулась новеньким и, смущаясь, посмотрела в лицо Сташевскому.
- Простите, что отвлекаю, не подскажите: а где находится туалет?

Мужчины, расценив, что сказанное мною шутка, загоготали, вогнав ещё больше в краску.

- Дык... любой куст..., ну в смысле нет здесь нужника. В поле прям ходим, - откашлялся Аверьян, явно чувствуя неловкость, и при этом губы его дрогнули, едва удерживая смех.

- Так отведи барышню по нужде, поручик Сташевский, - весело заметил недавно прибывший – гжучий брюнет с бородкой и усиками.

- Хочешь я отконвоирую девицу, - вступил в беседу Ярополк и сделал шаг в мою сторону, щерясь.

Господи! Стыд какой! Незнакомые мужики меня в кусты поведут. Такое только в книге прочитаешь, а тут по-настоящему готово свершиться!

- Нет, нет, - выставила ладони вперёд, пресекая любую помощь. - Я сама справлюсь, только укажите в какую сторону, ну, чтобы меня снова не подстрелили или дрессированное животное не выскочило.

Мужчины смолкли и переглянулись, размышляя, что с мной делать. Чернявый наклонился к поручику и тихо произнёс:

- Сбежать хочет. Ищет повод, Аверьян, - покосился на меня мужчина, заставив отвернуться.

Да. Я хотела сбежать обратно в пещеры, откуда меня вынесло, а не жаться бедрами друг о друга и не ждать медицинскую помощь часами. У меня естественные потребности человека, а эти тупые снайперы то и дело шушукаются, гогочут и курят табак. Кстати, не увидела режиссера и видеооператора, гримера и прочих руководящих лиц на съёмочной площадке. А также женщин. Странно...

- Уговорил, Володя, - ответил собеседнику Аверьян и посмотрел на меня. – Провожу Вас до вон..., - указал скалистый выступ на земле, поросший бурьяном, - тех кустов.

- А мы скоро поедем в... Охотничье?

- Как соберутся все охотники с трофеем. Силки проверяют на глухаря и куропатку. Да и добираться часа два или поболее будет.

- Ясно, - уныло ответила, сдаваясь. – Я схожу одна, не стоит меня сопровождать.

- Не, барышня, - сказал Ярополк. - Мы за Вас отвечаем. Ежели что случится, вины не переживем.

Я притаилась в сторонке, пока поручик докурив папиросу и пошла следом за ним, выдерживая дистанцию в пару метров. У меня скопилось десяток вопросов, но я не решалась их задать, шагая по густой траве и выискивая проплешины земли. Голые икры щекотали неспелые колосья диких злаков и ковыля, пахло полыньей и лесом. Так странно, учитывая, что поблизости луга город с обилием транспорта и промышленные предприятия.

Пока размышляла, Сташевский довел меня до импровизированного туалета и, немного тушуясь, указал:

- Вот, располагайтесь, - и отвернулся, глядя в даль.

- Вы что, будете стоять и слушать как я писаю?! – вырвалось возмущение и мужчина обернулся, не ожидая от меня такого тона.

- Барышня, Вы либо справляете нужду здесь, либо терпите до лагеря! – разозлился и сделал шаг навстречу. – Если хотите убежать от меня - забудьте. Я быстро бегу, а учитывая, что подстрелил Вас, в порыве гнева могу выстрелить снова, - выпалил злобно, маяча стволом ружья перед лицом.

Вот так перемены! Из галантного кавалера в конвоира-надсмотрщика один шаг и он его переступил. Я решила не злить мужчину и, развернувшись, пошла за насыпь.

Может он получил плохую новость? Может ему урезали гонорар или сняли с главной роли за осечку и что подстрелил меня - от того и бесится?

Присела на корточки и, вытянув шею, поглядела поверх заросшего травой холма: не видно ли меня и не подсматривает конвоир?

Мочевой обиделся и не желал выдавать струю в присутствии чужака и мне пришлось насильно опустошить орган, сгорая от стыда. Покончив с интимными делами, выбралась из укрытия и натолкнулась на любопытствующий взгляд мужчины: он рассматривал мои ноги: белые некогда конверсы, ставшие серо-зелеными, икры и выше.

Посмотрел, да и отвернулся, или сделал бы комплимент, но поручик мне задал вопрос, приведший меня в недоумение.

- Вы с кем-то помолвлены, Аксинья? Или у вас нестрогий батюшка, что позволяет дочери разгуливать почти голышом?

- Что? Как это голышом – на мне летний сарафан, который прикрывает ноги до колен, - опустила невольно взгляд убедиться в прежней его длине, - и было жарко днём, я захватила куртку, но она осталась... в пещере..., - голос сдался и осип при виде удивления в голубых глазах.

Сташевский приблизился и неотрывно глядя в лицо, произнес:

- Вы разгуливаете в ночной сорочке среди поля и думаете я поверю, что были одна в Чуфут-кале? Вы ведь там были? – спросил зловеще, посылая по телу волну дрожи.

- Я..., я была там с парнем..., с женихом, - решила соврать на счет статуса Ромы.

- Блудили? – отдернулся и брезгливо скривился.

- Не Ваше дело! – ответила с вызовом. – Ведите уже меня к повозке - я хочу видеть доктора!

Сташевский сощурился, но, ничего не ответив, развернулся и быстро зашагал к временному охотничьему лагерю.

Глава 4. Стыд и страх

Мужчины привезли дичь из леса и сложили в две повозки пойманных животных, некоторые из них уже были мертвые, другие дрыгали конечностями и я содрогнулась от жалости. Я сидела на грубо сколоченном табурете, все больше нервничая в новой обстановке с незнакомыми людьми. Хотелось пить и есть, но просить у поручика гордость и обида на него не позволяла.

- Как себя чувствуете, барышня? – спросил подошедший ко мне Ярополк и я подняла взгляд от мысков кед. Так и хотелось крикнуть: паршиво!

- Терпимо, - ответила устало. – Не найдется ли для меня стаканчика воды?

- Отчего же не найдётся, хм, фляга целая на второй подводе, - и, повернувшись корпусом, крикнул кому-то: - Степан, принеси раненной воды напиться.

Вновь повернулся ко мне и пристально взгляделся. Я опустила взгляд, не готовая к беседе, но ощущая кожей интерес кавалергарда. Спустя пару минут подошел тот, кого звали Степаном, и протянул мне большую жестяную кружку.

Я удивлено посмотрела на бородатого и седого мужчину в штатском: штаны по типу бананов, зауженных внизу и черную рубашу до середины бедра из грубой ткани. Незнакомец выдавил улыбку и кивнул.

- Спасибо, - я взяла чашу, размером с ковшик и, заглянув внутрь принялась. Не доверяла я актерам-военным, так тщательно меня оберегающим.

Но инстинкт выживания пересилил и я большими глотками утолила жажду. Не отравят же они меня в конце-то концов. Пока смотрела в дно кружки, пропустила появление нового персонажа: подошёл поручик и недовольно оглядел наш трио.

- Что за хороводы вокруг барышни?

- Пить попросила, Аверьян. Ты чего раздухарился?

Сташевский поглядел на меня сверху и с сарказмом произнес:

- А потом снова по кустам плутать?

Я не ответила на провокацию. Вернув посуду седовласому, поблагодарила и, обхватив себя руками, отвернулась, глядя на высокий утес. К вечеру стало заметно прохладнее.

Слышала возню и разговор за спиной, но пропустила уход двоих. Украдкой взглянула на сапоги, по выправке уже поняв, что Сташевский остался и буравит моё темечко. Зашевелился. А через мгновение на спину легло что-то тёплое, уютное. Я от неожиданности дёрнулась и вскинула голову, встретившись с голубыми глазами поручика.

- Продрогли гляжу. На вот мундир мой, согреет, - и отнял от меня руки.

Я хотела вернуть его вещь и заявить, что мне от него ничего не нужно, но искренняя забота в глазах и тепло, что окутало озябшие плечи, требовали поблагодарить мужчину.

- Спасибо.

Немного еще постояв, глубоко вздохнул и отошел. От его одежды пахло хвойной смолой, табаком и конским потом. Но запах не раздражал, он был новым для меня, загадочным и вызывающий странный внутренний трепет.

В село мы отправились спустя два часа. И ехать мне пришлось на лошади, в седле рядом с моим стрелком, так как две повозки загрузили оружием, силками и добытой дичью.

Поначалу я, шокированная, устала на предложение ехать в седле. Но у меня не осталось выбора, кроме как идти пешком, ехать с мертвыми тушками или на лошади. Я не могла показать своих страхов и неумения перед Аверьяном. Но залезть в седло без его помощи мне не удалось. И под всеобщее улюлюканье и подраживание коллег мужчина, подкинув меня под попу, помог забраться в седло. Краска стыда снова залила мне лицо, когда послышались скабрёзные шутки и пошлости, на которые поручик лишь посмеивался и довольно улыбался.

Спустя пять минут и он оказался на лошади, позади меня. Я максимально отстранилась от мужчины, вцепившись в луку седла. Не знаю чего я больше опасалась: упасть с лошади в момент езды или чтобы грудь незнакомца терлась о мою спину.

От напряжения ныли мышцы, руки дрожали, а пальцы вцепились в космы коня, веря, что в них защита и спасение. Встречный ветер охлаждал неприкрытую грудь, и я постоянно сводила полы мундира.

- Я так Вам противен, что готовы свалиться под копыта коню? – произнес сосед за спиной.

Мы сбавили темп, перейдя на шаг и, отставши от остальных всадников. Аверьян, осмелев, потянулся за своей одеждой. Я с волнением обернулась.

- Снимите его с плеч и проденьте в рукава, - приказал, послав строгий взгляд. – И застегните на верхние пуговицы. Не хватало, чтобы лихорадку подхватили, - приговаривая, помог облачиться в мундир.

Я покорно исполнила приказ, понимая разумность предложения – заболеть не хотелось. А потом поручик, придвинул меня к своему телу и, прижав теснее рукою, приказал лошади перейти на галоп, держа поводья одной рукой. Я откинулась на сильную грудь и зажмурила глаза, молясь про себя чтобы мы не разбились от быстрой скачки, контролируя лишь дыхание и руку Сташевского, что лежала поперек талии в защитном жесте.

Я не знаю сколько мы ехали, но мне оказалось мучительно долго, а когда он приказал лошади остановиться, я распахнула глаза в надежде, что он доставит меня напрямую в больницу или хотя бы фельдшерский пункт. Но поручик меня сильно удивил: село имело постройки домов прошлого века, одно-двухэтажные здания, дорогу из булыжников и отсутствие столбов электропередач. Навстречу нам ехали люди: мужчины и женщины с детьми на повозках, запряженные лошадьми или несущие на спинах тяжелые мешки и коробка. А уличные фонари, низкие и в форме многогранника лампы, не имели между собой проводов - модель прошлого века или более.

Мы заехали в распахнутые ворота гарнизона и, миновав будку пропускного пункта, въехали на широкую площадь. По периметру площади раскинулись одноэтажные прямоугольные корпуса из грубого песчаника вперемишку с деревянными постройками, ухоженные кустарники бузины и остроконечные кипарисы росли вдоль вымощенной брусчаткой тротуара.

- Поразительные декорации!

- Что ты сказала? – пробасил в ухо поручик.

Я и не заметила, что произнесла мысли вслух. Прочистила горло и повторила.

- Декорации чего? – поднял брови мужчина, спешившись, и протянул ко мне руки. – Слезайте, раненная.

Я посмотрела на землю, осознавая, что голова кружится, а ягодицы онемели и не хотят отлипнуть от седла. И вместо того, чтобы принять помощь, я бессильно упала на круп животного, прижавшись к нему грудью.

- Я боюсь!

- До чего же глупая баба, - сказал, точно выплюнул фразу. – Сначала под пули рвется, теперь высоты боится. Слезайте, кому говорю, - и потянул меня за бедра, второй рукой пытаясь отодрать пальцы от гривы коня.

Другие военные, заметив нашу борьбу, застыли на месте и уставились на спектакль. Кто-то открыто гоготал, кто-то подбадривал, знакомый голос насмешливо произнес:

- Аверьян, ты что с барышней сотворил? Так ей понравился, что разлучаться не хочет!

- А вези её напрямую в казарму! Может она из тех, что готова греть постель всякому, кто заплатит, - вдруг предложил тот, кто назвал меня крестьянкой, и я невольно напряглась, подняв голову.

- Да, нам шибко не хватает женщин, - крикнул чернявый. – Я готов дать пару гривенных за ночь! – и, посмотрев на меня, призывно улыбнулся.

- Вукол, ты сначала расспроси имеет ли барышня смотровую книжку, а то будешь потом шишку теревить и к дохтору тайно бегать, - подцепил третий, вызвав общий смех.

Столько стыда в один день я не испытывала в своей жизни ни разу. Столько пошлости в свой адрес не слышала и среди такого количества мужчин не была. Страх, липкий и едкий, окатил волной внутренности и снова бьющий набатом вопрос: где я?

- Господа, прекратите смущать девицу. Ей и так от меня досталось, - встал на мою защиту Сташевский и, повернувшись ко мне, еще раз приказал: - Слезайте немедленно, пока Вас офицеры не поделили, ну! - и протянул руку к седлу.

Похоже рядом с голубоглазым было самое спокойное место. Я кое-как высвободила из конской гривы пальцы и распрямила спину. Страх свалиться с лошади уступил другому – оказаться под толпой оглодавших мужиков в мундирах.

Сташевский, придерживая меня за талию, помог выбраться из седла. Даже через плотное сукно я чувствовала силу и тепло его ладоней.

- Спасибо, что помогли, - мельком взглянула в лицо и тут же отвела взгляд, благодаря и за помощь и за защиту перед коллегами.

- Я провожу до лазарета Вас, только коня расседлаю.

Я, все еще растерянная от увиденного и непонимающая происходящего, оглядывалась по сторонам в надежде увидеть знакомое лицо, которое подойдет ко мне и скажет: "Ксюша, поздравляю! Ты попала на развлекательное шоу: "За стеклом" или съемки сериала "Холоп" и хорошо справилась с ролью". Но ко мне подошёл поручик и, почтительно поклонившись, указал рукой вперед:

- Прошу.

Глава 5. Лазарет

Я с удивлением рассматривала внутренний двор, поражаясь правдоподобности картины прошлого века и восхищаясь талантами декораторов и исполнителей. Одежда и поведение актеров отражали колорит девятнадцатого - начала двадцатого века. Речь и их манеры тоже исполнялись на высшем уровне.

Меня только удивляло, куда они убрали столбы электропередач и как обходились без сотовой связи. Самое главное для чего? Ведь в кадры можно допустить фрагменты без этих деталей.

Следуя по пятам за Сташевским, мы прошли в каменное прямоугольное строение, выкрашенное снаружи побелкой - видимо недавно обновленное. На входе я прочитала табличку с гравировкой: "Лазаретъ", отмечая стиль написания текста, соответствующее тому времени и с опаской зашла в распашные двери.

- Авдотья Никитична, здравствуйте, - обратился поручик к женщине в образе сестры милосердия. - Расстегаев в госпитале?

- Давеча был в операционной, - проскрипела старушка, с любопытством разглядывая меня. - Кто это с Вами, господин Сташевский? Никак невестой обзавелись? - и уголки ее тонких сухих губ дрогнули, а вокруг голубых, пытливых глаз пролегли морщинки и я поняла, что она не так и стара, как мне показалось на первый взгляд.

- Господь с Вами, Авдотья Никитична, какая мне невеста на службе? - возразил стрелок и мельком меня оглядел. - Раненная, осмотреть бы надо..., - произнёс с сожалением и поджал губы.

Признаваться, что это он меня подстрелил, Сташевский явно не торопился.

Медсестра поцокала, поохала, но расспрашивать о подробностях не стала. Пожелав здоровья, пошла прочь по делам, а мы двинулись дальше по коридору, пока не добрались до нужного кабинета.

Сташевский остановился и, постучав в деревянную дверь чисто символически, ту же запахнул ее и заглянул внутрь. Убедившись, что искомый врач на месте, оглянувшись на меня и кивком головы пригласил зайти первой.

Я произнесла тихое спасибо и переступила порог просторного помещения. Светлые стены и большие окна до потолка, с деревянными, крашеными рамами пропускали много света в помещение, делая его стерильным. Мужчина в белом хлопковом халате, с залысиной и густыми бакенбардами, оторвался от заполнения бумаг и, подняв взгляд, с любопытством уставился на нас.

Я тихо поприветствовала доктора и подошла ближе, с интересом разглядывая обстановку врачебного кабинета. Здесь даже шкафчики и кушетки были раритетными, а также грубо сколоченный стол и табуретки вдоль стены. А вместо шариковой ручки врач использовал перьевую, макая ее в чернильницу. И если бы не уверенность в то, что я на съёмочной площадке, не осталось бы сомнений, что я попала в далекое прошлое.

- Иван Иванович, нужна Ваша помощь, - заявил поручик. – Пулевое ранение, - и, осторожно взяв меня за руку, повернул раненной стороной.

Доктор встал из-за стола и направился к нам, на ходу расспрашивая как это произошло.

- Вот так дела, Аверьян! – поцокал врач, пристальнее разглядывая рану, а потом поднял взгляд серых, участливых глаз и спросил: – Ну что, голубушка, рассказывайте, как угораздило Вас под пули залететь? Тоже желали фазана подстрелить? – потешался. И не дожидаясь ответа, приобняв за плечи, повел на кушетку.

Объятия доктора несли заботу и тепло, а пахло от него хвойным мылом и спиртом. Я прониклась доверием и расслабилась, уверовав, что попала в надежные руки врача.

Я промолчала, сильно вымотавшись за те несколько часов, что провела в условиях съёмки, и было одно желание: поскорее оказаться дома, а уж потом, завтра подумать, как произошло мое перемещение за пределы пещеры.

Поручик, тушуясь, рассказал как подстрелил меня, сожалея и не понимая как это могло произойти, ведь он опытный и меткий стрелок, а врач, усадив меня на деревянный стул, рассматривал рану, приговаривая насколько мне повезло. Пройди пуля в пяти миллиметрах ближе, повредила бы кость и артерию.

Потом он велел позвать медсестру и та отвела меня в процедурную комнату, где обмыла рану горячей водой и обработала вонючим раствором антисептика.

- Ну что, барышня, рану шить будем? – заглянул в лицо Иван Иванович. – Рана не опасная, хотя микробы могли попасть и может быть нагноение. Я подержу Вас в госпитале ночь, а на утро поглядим.

- Спасибо, доктор, - я благодарно улыбнулась мужчине, украдкой разглядывая его и пытаясь распознать за профессиональным гримом известного актера.

Сташевский топтался у порога операционной и на просьбу покинуть помещение, покинул его нехотя, напоследок послав мне сочувствующий взгляд.

Меня поразили инструменты в металлическом лотке, минимальный и самый простой набор пузырьков, кусков марли и отсутствие одноразовых инструментов, в очередной раз восхищая правдоподобности антуража прошлых веков. Но больше всего шокировало, что кожу мне шили без обезболивания, на что я дико заорала и забилась в руках медсестры, когда хирург мне проколол кожу толстой, изогнутой иглой.

- Вы с ума сошли, на живую шить?! – дёрнулась я, едва не плача, и зашипела на врача. А врач ли он вообще? – Разве нельзя обезболить, а потом проводить манипуляции? – вытаращила глаза на извергов-медиков.

- Чем тебя обезболить, хлороформом, или морфием? – строго произнес врач, явно не ожидая моей бурной реакции. – Рана поверхностная, выдержишь, - и снова потянулся ко мне

с полукруглой иглой. – Женщины от природы выдерживают боль лучше мужчин, перестань кричать.

Я вскочила со стула и прижала плечо ладонью, всем своим видом показывая, что не согласна на подобную экзекуцию.

- Я потерплю до городской больницы. Спасибо, что попытались оказать мне помощь, - и, развернувшись, пошла на выход, но едва взявшись за ручку двери, чуть не упала вперед: с той стороны ее открыл Аверьян и, загородив проход, смотрел на меня испуганными глазами.

- Всё? – спросил он, опустив взгляд на мою рану.

- Нет, не всё! Я не желаю, чтобы меня калечили эти самозванцы, - кивнула головой в сторону мнимого медперсонала. – Будьте добры отвезти меня в нормальную больницу, где мне сделают анестезию и как следует обработают рану.

- Барышня в истерике, поручик Сташевский, - заявил Расстегаев с места за операционным столиком. – Угмоните ее, иначе я не ручаюсь за последствия ранения.

- Вернитесь к доктору, Аксинья, - сурово произнёс Аверьян и в его тоне и взгляде сквозила такая аура власти, что я поёжилась и попятилась назад. – Не усиливайте моё чувство вины.

Я поняла, что одна против троих не справлюсь и, поникнув головой, вернулась на кушетку, согласная на кратковременную боль и обещая себе, что подам на них в суд за издевательства. В открытую заявлять не решилась, опасаясь, что мою агонию продлят из вредности.

Поручик на этот раз остался стоять чуть поодаль, не сводя с меня взгляда, полного отчаяния.

Глава 6. Трапеза

После мучительных экспериментов над моим телом доктор наложил марлевую повязку и, пожелав скорейшего выздоровления, распорядился насчет койки-места в госпитале, в соседнем крыле здания.

Плечо, растревоженное манипуляциями доктора, снова заныло и мне не терпелось найти свой рюкзачок и принять обезболивающее, которое я носила на всякий случай. Раз уже на постановочной площадке не оказалось нужных лекарств придется воспользоваться своим запасом.

- Сильно болит? – участливо поинтересовался Сташевский, ведя меня по петляющему узкому коридору к выходу.

- Переживу, - буркнула и почувствовала, что к боли примешивается чувство тошноты. Желудок при мысли о пище заурчал, выдавая состояние голода. – А где у вас буфет? Или кафе для персонала?

Поручик резко остановился и недоумённо воззрился на меня. Почесав затылок, с сожалением выдал:

- Трактира нет у нас. Это в Ливадии. Мы питаемся в казарме, на кухне. А для больных вроде как отдельная пища, - он извлек из нагрудного кармана камзола часы и оповестил: - Ужин через два часа.

Чёрт! Что еще за трактир? Неужели нельзя выразиться современным языком наедине? Проще вернуться в Бахчисарай, а оттуда до дома рукой подать, чем получить помощь и порцию перекуса.

- А мини-маркет есть поблизости? Я согласна и на фастфуд! – с предвкушением облизнулась, представив пышную булочку с котлеткой и листиком салата или сосиску в тесте.

- Что такое мини-маркет? – осторожно переспросил Сташевский, чем полностью меня ввел в тупик и разозлил.

- Прекратите уже играть роль! Мне уже не прикольно! Я хочу есть и готова купить хоть чипсы с сухариками, хоть слойку с конфитюром! – недовольно выпалила и, обогнув мужчину, пошла впереди него, решительно настроенная найти в поселке искомый магазин.

Сташевский следовал за мной, но молчал. Приветствуя лишь встречающихся на пути работников госпиталя, военных коллег на костылях и тех, кто состоит на активной службе.

Мы вышли на вымощенную брусчаткой площадку внутреннего двора и я пристальнее огляделась в поисках атрибутов современности. Может пропустила их от стресса. Но картина ничем не отличилась от той, что я увидела полчаса назад и меня это удручило.

Куда мне идти? В какую сторону бежать? Солнце медленно закатывалось за горизонт, лишая меня надежды на ночевку дома. Я не понимала почему Варя и Роман меня не ищут? Вынужденная принять помощь своего стрелка, оглянулась в его поисках, а, встретившись с ним взглядом, посмотрела с надеждой. Сташевский, заметив мое пристальное внимание, распрощался с очередным любопытным товарищем и пошел мне навстречу.

- Странная вы, барышня, Аксинья, - начал отповедь. – Головой что ли повредились, покуда падали наземь или притворяетесь умалишенной.

Ничего себе наезд поручика! Я открыла рот от возмущения и обиды, что по вине этого непутевого стрелка оказалась в чужом месте, но тут же закрыла, понимая, что мы не понимаем друг друга, и он мне не поможет найти столовую и тем более выбраться со съёмочной площадки.

- За свое состояние я должна Вас, поручик, поблагодарить! – сказала язвительно. – Еще не известно чем мне обернется полученная рана. Шрам точно останется и мне придется либо татуировку сделать в этом месте, - и демонстративно повела плечом, - либо к пластическому хирургу обратиться.

- Простите еще раз, Аксинья. Не имел намерения погубить такую красавицу, - ответил Сташевский и в его глазах застыло искреннее раскаяние. – Что я могу лично для Вас сделать?

Я отвернулась, сдерживая слезы обиды, и охватила себя за плечи руками в защитном жесте.

- Пожалуйста, верните мой рюкзачок и мы распрощаемся. Спасибо, что отвели меня к врачу. За заботу. Не бойтесь, я не стану подавать на Вас в суд за причинение мне телесных повреждений.

Поручик булькнул, коротко выругался и, схватив меня за руку, потянул на себя.

- Не злитесь на меня и не обижайтесь, Аксинья, я бываю порою резок. Идемте с мной, я Вас накормлю. Сегодня на ужин шулом из куропатки и зайцы на вертеле. Зря что ли охотились? Степанида и Степан, если не ссорятся, такую вкуснятину готовят, с пальцами проглотить!

Я насупилась и нерешительно пошла рядом. Его рука была мозолистая, грубая, теплая – ладонь рабочего человека. Ногти коротко стрижены, чистые, но никак не вязались с руками человека, живущего в городской среде и тем более актера. И я в очередной раз поразилась образу присутствующих на съёмочной площадке.

При мысли о жареном мясе, я облизнулась, почуяв в воздухе гарь от костра и аромат трав. Есть хотелось до болезненных спазмов.

- Я словно голодная волчица – согласна на все, - сказала я с жаром и рассмеялась.

- Ну вот и славно, - покосился на меня Сташевский, не выпуская моей руки. - А потом я верну Вам вашу вещь. Она приторочена к луке седла. Я и забыл про сумку.

Он подвел меня к каменному одноэтажному строению и, оставив под деревянным навесом, вошел в здание. На запахи пищи сбегались дворовые собаки, виляя крендельками хвостов и поскуливая, ждали костей и на меня поглядывали без интереса.

Я присела с краю одной скамьи и огляделась: открытое строение было что-то вроде летней кухни: два ряда длинных столов из неотесанного дерева, лавки, покрытые старыми и тка-

ными коврами, овечьими шкурами или не застелены совсем. В конце прямоугольной беседки стояла каменная печь и в ее зеве на вертеле жарилась тушка зайца или птицы. Я не рассмотрела, быстро повернувшись на шум: несколько человек в штатском вывалились из проёма в низкое здание и с удивлением уставились на меня.

Я ступевалась под пристальным вниманием мужчин. Часть из них были те, что присутствовали на охоте, остальные незнакомые мне лица.

- А что это за барыня у нас? Чья такая красавица? – тщательно разглядел густые усы первый подошедший мужчина, с интересом меня разглядывая.

- Дмитрий, эту птицу Сташевский подстрелил на охоте! – ответил за меня Ярослав.

- Да, целился в цесарку, а попал в девицу! – подхватил второй.

И мужчины загоготали. Ну, теперь будут ржать долго и пинать за “меткость” сослуживца. Я глуповато улыбнулась, терпеливо выжидая, когда мужчины навеселятся.

Я есть хочу! Но не скажу же им: поторопитесь с ужином, господа актеры! И снимите уже грим. Хочется видеть, куда я попала и кто меня разыграл. Тогда тоже посмеюсь вместе с ними.

- Я – Ксения. Как попала к вам? Сама не поняла, - подала голос и мужчины разом смолкли и прислушались. – Из Бахчисарая. Если вам так важен город.

- Заблудились?! – воскликнул Ярослав, сел на скамью и, облокотившись на столешницу, с удивлением произнес: – Это же далеко от нас..., четыреста верст будет...

Начинается... Я закатила глаза, всё больше раздражаясь на стену непонимания, которая росла и ширилась по мере общения с вояками.

Каких вёрст? Что за архаизм? Так вжились в образы героев, что уже говорят на старорусском. Я промолчала и с завистью оглянулась на жарившееся мясо. Повар уже надрезал кусочки с тушки дичи, пробуя горячее мясо на вкус и с удовольствием мычал.

- Эй, Кузьма, - вскочил Ярослав со скамьи. - А ну сюда давай зайца, дразнишь нас уже который час, - и отправился к мангалу.

Военных прибавлялось – все потянулись на запахи жареного и на время забыли обо мне. Рослый паренек, бледнолицый, лопоухий и коротко стриженный, вынес стопку железных тарелок и поставил на край стола. Потом из глубоких карманов засаленного фартука достал деревянные ложки и высыпал рядом. Кавалергарды кинулись взять себе столовые приборы и стали рассаживаться за столом.

Столовые приборы..., громко сказано, потому что чашки из металла, местами закопченные и с вмятинами по бокам, и деревянные ложки никак не вязались с современным дизайном посуды.

Неужели даже за кадром актеры проигрывали роли? Видимо, чтобы глубже вжиться в быт прошлого века. Прочувствовать колорит тех лет так сказать.

Моё удивление не укрылось от мужчин и Ярополк, взяв тарелку и ложку, направился ко мне.

Я молча ждала свою порцию горячего ужина, борясь с громким урчанием желудка, стыдясь и одновременно сетуя на актеров. Можно же раздобыть перекус на время ожидания пищи. Так нет: они следовали традициям изображаемого века!

- Акси́нья, держите, - поставил передо мной миску. – Вы супа из бобов откусаете? А потом охотничий трофей...

- Я так голодна, что согласна съесть его даже без соли и холодный! – подалась вперед и заявила пылко.

- Ух! Какая барышня! – расплылся в улыбке солдат, плюхаясь на скамью напротив. – Обычно жеманничают, по зернышку клюют – талию берегут, а Вы с аппетитом... и самая така ладна, - обвёл меня горящим, масляным взглядом актер-вояка.

- Ярополк, - рявкнул над головой мужской голос и я от неожиданности вздрогнула. – Перестань глядеть на барышню и заигрывать. Ешь уже!

Ярополк крикнул и махнув головой, пододвинул к себе плетеную корзину и, взяв половинку серого хлеба, надломил. А Сташевский уселся рядом и, развернувшись ко мне лицом, пытливо уставился. В его взгляде читался укор, недоверие и плохо скрываемый интерес ко мне лично. Меня так и подмывало сказать: ну что опять? Чем недоволен поручик?

Он засопел и невысказанное недовольство повисло в воздухе. Подхватив мою пустую тарелку, поднялся и направился к очагу.

Мужчины заполонили пространство вокруг и лишь женский грубый голос, периодически раздающийся изнутри одноэтажного строения, внушал уверенность, что повариха Степанида даст отпор нахальству мужчин и за меня.

Над столом распространился запах свежеприготовленного блюда. Мужчины ели молча, лишь изредка переговариваясь, на меня и прижавшегося сбоку поручика смотрели с интересом. Видимо до тех, кто не присутствовал на охоте, дошли слухи о стрелявшем в девушку и каждый норовил если не открыто, то намеками, взглядом поинтересоваться о случившемся. Аверьян то и дело отрывался от ужина и в упор смотрел на мой профиль, на то, как я осторожно ем. Я так хотела кушать, что не обращала внимания на качество и чистоту посуды, черпая шербоной ложкой густую похлёбку.

- Заметно, что барышня проголодалась, - произнес Аверьян, потянувшись через стол за ломтем хлеба. – Нравится стряпня нашей Степаниды?

- Очень вкусно. Надо лично поблагодарить ваших поваров, - благодарно улыбнулась Аверьяну.

- Пойду отрежу нам мяса, - и с этими словами перелез через скамью и направился в сторону тлеющего очага.

Мужчины, большинство покончив с первым блюдом, сгрудились вокруг свежеприготовленного жаркого: один держал вертел вертикально, воткнув острый конец в деревянный спил, другой большим ножом, словно тесаком отрезал куски мяса в тарелки, что подставляли кавалергарды. Про меня они временно забыли и я, утолив первичный голод, понемногу расслабилась. Клонило в сон, рука побаливала и давила повязка. Мне не терпелось добраться до своего рюкзака, достать таблетку анальгина и упасть на кровать. Не важно где: хоть в конюшне, на телеге, лишь бы на время забыться. А проснувшись по утру с радостью обнаружить, что я просто видела дурной сон с попаданием в прошлое.

Глава 7. Ночлег

Как и ожидалось гостиница для участников съёмочной группы не предполагалась и я уже насторожилась, чувствуя, что меня либо тщательно разыгрывают, либо я плавно схожу с ума. Невольно вспомнился фильм "Холоп": ведь герой сюжета тоже верил, что попал в другое время.

После ужина я распрощалась с мужчинами, а на предложение отыскать повариху и поблагодарить за ужин лично, поручик сказал, что он спешит и срочно должен проводить меня до лазарета. Пришлось оставить свои благодарности до утра. В ночь я точно не собиралась выбираться из лагеря и искать дорогу домой. Сташевский по пути заскочил в конюшню и вернул мне рюкзачок. Он задержался взглядом на вышитых орнаментах в отделке и спросил:

- Что это за символы? Скандинавские? Отличная выделка кожи.

Рюкзак из телячьей кожи ручной работы произвел на Сташевского впечатление, но я, порядком уставшая, лишь согласно кивнула ему, не желая вдаваться в подробности производителя и, закинув за спину, побрела в сторону медпункта. Мы зашли в лазарет и, пройдя по уже знакомому мне коридору, свернули в другую сторону. Сташевский распахнул дверь в большую больничную палату и окликнул персонал. Навстречу нам вышел дежуривший медбрат дородной комплекции и больше похожий на дровосека, чем на медика.

- Я тут раненую привел тебе, Гриня. По настоянию Ивана Ивановича девица направлена на долечивание в лазарет.

Дровосек безэмоционально оглядел меня, вытирая руки ветхим полотенцем и недовольно цыкнув шербатым ртом, произнёс:

- Отдельной палаты нет для женщины. Может, у матери настоятельницы пусть переночует? – оглядел меня с головы до ног.

- Расстегаев сказал в лазарет, значит, побудет здесь. До утра, - ответил с нажимом Аверьян. – А завтра порешаем куда ее.

Сташевский обвел небольшое помещение с десятком коечных мест, большая часть из которых была занята больными, и вновь посмотрел на санитаря.

– Григорий, хорошенько гляди за барышней и, если можно, отведи место поукромнее, за ширмой.

Я при своей усталости все же нашла силы рассмотреть, что на кроватях лежат настоящие пациенты. Мужчины. Причем настолько натурально изображающие болезнь и ранения, что невольно поёжилась. Неужели это пострадавшие на съемках актеры? Или они продолжали репетировать сцену даже ночью? Но я так вымоталась, что мозг перестал реагировать на тревожные звоночки и, поблагодарив Сташевского, пошла следом за великаном Гришей, стараясь не сильно пялиться на якобы больных.

Мужчина, грузный и немногословный, отыскал для меня старую ширму, с потертой и местами штопанной парусиной и указал на место в дальнем углу.

- Вот Ваш ночлег, сударыня, - зыркнул на меня исподлобья, перегораживая часть прохода ею. – Ежели чего надобно, зовите. Я сплю у входа, в комнате.

- Благодарю, Вас, Григорий, - ответила как можно приветливее. – Если можно стакан воды. Я хочу лекарство от головной боли выпить.

- Мигрень мучает? – спросил понимающе. – Не увлекайтесь опиумными настойками – мой вам совет, - и, пожав плечами, побрел обратно.

Это что он имел ввиду?! Какой еще опиум? Наверное, мне послышалось или актер пошутил.

Я устало опустилась на жесткую кровать с металлическим изголовьем и растерянно огляделась. Выбеленные каменные стены, розовели в заходящих лучах солнца, пробивающихся через грязные стекла, лишь наполовину прикрытые льняными шторами. В окнах мелькали мимо проходящие люди: военные и в штатском, занятые своими делами, их голоса доносились в распахнутые форточки и, судя по разговорам, они мне снова показались странными, точно люди не из современного мира.

Какой-то мужчина громко простонал и попросил Григория подать ему воды, а с соседней койки другой больной, скрипнув пружинами, сел на кровати и устремил взгляд в мою сторону.

Мы молча переглянулись и пациент, с любопытством оглядев меня, усмехнулся и пробормотал что-то невнятное. Потом устало вздохнул и вернулся в исходное положение лёжа.

С одной стороны меня пугал ночлег среди мужчин, с другой у меня не осталось сил, чтобы трезво анализировать происходящее. Я отвернулась спиной к больным и, достав из косметички таблетку анальгина, положила в рот. Вспомнив, что у меня в рюкзаке есть начатая бутылка газированной воды, запила и легла в кровать. В помещении витал слабый запах лекарств и болезней, как в настоящем стационаре, но постель, на которой я расположилась оказалась вполне сносной: чистой и пахнувшей хозяйственным мылом. Под размеренный разговор медбрата и двух мужчин, я незаметно провалилась в глубокий сон. А когда проснулась, то резко распахнула глаза и уставилась в нетёсанные балки потолочных перекладин, тускло подсвечиваемые настенными лампами. Керосиновые? Но сонный мозг не успел выдать четкий анализ изображению, зато слух уловил командный голос мужчины и я окончательно проснулась.

- Где девица, Гриша?

В лазарет зашли трое мужчин. В форме военных, без стука, как будто на то имели право. Я лежала наискосок от входа и краем глаза видела их силуэты.

Медбрат тихо ответил спрашиваемому и кивком головы указал в мою сторону, продолжив манипуляцию с другим больным. Я подобралась, натягивая простыню выше и, оглядев себя, все ли прикрыто, медленно выдохнула. Боль в ране притихла, но все еще была ощутимая и резкие движения доставляли дискомфорт.

Мужчина, судя по кителю с нашивками и погонами, относился к офицерскому чину, промаршировал до моей кровати и задержался в изножье. Зорко впился взглядом в лицо, будто пытаясь прочесть мои мысли. Следом прошли те двое, что нашли меня, и остановились позади, с любопытством поглядывая в мою сторону и ожидая указаний начальства.

- Пришли в себя, сударыня? – пробасил мужчина, при этом усы его, длинные и закрученные кверху, дёрнулись, и я едва сдержала смешок: настолько он мне показался комичным и не вязался с требовательным тоном и званием.

Хорош актер! Но мне не знаком.

- Спасибо. Мне значительно лучше, - смущенно улыбнулась.

Под пристальным взглядом троих мужчин, распластанная и раненая, чувствовала себя неуютно. Нервным жестом пригладила волосы, комкая белый хлопок покрывала. Даже на смертном одре женщина волнуется о том, как она выглядит в глазах других.

- Ваше имя? – потребовал.

- Ксения... Чехова.

- Вы как попали под пули, Аксинья? – опираясь о железную спинку, наклонился ко мне.

- От кого убегали? Прятались?

Мне послышалось ехидство в его тоне, недоверие и легкая агрессия. Что я ему сделала, что он с порога нападает на незнакомку? Помешала отснять сцену?

- Я не пряталась. Я была с подругами в скальных пещерах Чуфут-Кале, - медленно заговорила. – И прочла надпись на стене. Попыталась разобраться, что она означает..., - смолкла, размышляя, стоит ли упоминать Романа и нашу ссору накануне. Решила умолчать. – А потом мы прошли дальше в тоннель, я споткнулась и провалилась в подвал. А вышла, то есть выбежала, уже на лугу.

Двое, что сопровождали офицера, откровенно рассмеялись.

- Цыц, - обернулся и гаркнул на них главный, подняв ладонь вверх, и мне показалось, готов был отвесить им оплеуху. Они тут же смолкли и потупили взор. – Ты была в городе призраков? – спросил с удивлением офицер, оглядев меня с головы до ног, будто убеждаясь из плоти ли я сама или одна из мертвых душ в облике воскресшей.

- Ну да..., была. Ведь это не запрещено. Да и не так страшно, как говорят, - ответила по слогам, сомневаясь в адекватности актера.

Мужчина так хорошо играл роль допрашиваемого и одежда его, осанка и внешний вид были идеально подобраны под роль кавалергарда позапрошлого века.

- Что ты там искала? И где твой дом?

Он что: тупой?

- Думаете, я нарочно решила испортить вам съёмку? – разозлилась. – Это Вы стреляли настоящими пулями и ранили меня! – зло посмотрела на того, кого звали Аверьяном, и мужчину, устыдившись поступка, отвел взгляд. – А теперь хотите списать вину на меня, что я не в то время и не в том месте оказалась?

- Я бы на Вашем месте, барышня, сбавил тон, - сурово произнес мужчина и ноздри его раздулись, выдавая недовольство. – А то не посмотрю, что ты раненная, и допрошу по всему военному уставу!

Я невольно вздрогнула от серьёзности и холодности его взгляда, коим наделил меня офицер. Как-то стало не до ехидных подшучиваний.

Может я попала в секту? Хотя на первый взгляд мне показались мужчины адекватные, просто ведут себя странно. Заметив мою покорность, мужчина расслабился и сделал несколько шагов вперед, приблизился к окну. Не глядя на меня, тихо спросил:

- От жениха сбежала или мужа?

- Что?! - невольно вырвалось, и я посмотрела на профиль военного. – Да не от кого я не сбежала! Вы в своем уме?

Я задохнулась от злости! Актер издевается, если думает, что я вживусь в сценарий и сыграю задуманную им роль на отлично.

- Ай, - вскрикнула, когда неожиданно его жесткие пальцы впились в мой подбородок, подтягивая голову вверх. Наши взгляды встретились и то, что я увидела в глубине его глаз, меня заставило сжаться мои внутренности.

- Я сказал уже, чтобы тише вела себя, - металлическим тоном бросил в лицо. – Или отвечай сама, или подвергнешься пыткам! Поняла? – рыкнул и отбросил мою голову, намеренно причиняя боль и внушая страх.

- Разрешите обратиться, господин капитан? – подскочил к нему мой стрелок и тот обернулся.

- Ну?

- Дайте девушке время подлечить рану. Я с неё глаз не спущу. А потом мы её допросим.

- Что, на жалость давит?

Сташевский украдкой взглянул на меня и снова посмотрел в лицо начальнику.

- Никак нет, Пётр Андреевич, не давит. Но раненная – женщина, а я приучен уважать дам. Пётр Андреевич скривился, послав мне снисходительный взгляд.

- Поручик Сташевский, отвечаете за девку головой!

- Есть отвечать, капитан!

Тот, кого звали Аверьяном, проводил капитана до двери и вернулся. А второй, Ярополк, неотрывно на меня смотрел. Мужчины не вызывали страха, а вот сама трагичность ситуации – да. Кто эти люди? И куда я попала, если не на съёмочную площадку?

- Ну, - обратился Сташевский. - Расскажи нам, дева, что ты делала в мертвом городе? – и, положив локти на спинку кровати, наклонился и впериł взгляд. – Или военная тайна?

- Смотри, барышня, - вступил в разговор второй. - Наш капитан - жесткий мужик. Он миндальничать не станет. Запытает. Перед ним любой человек бесполой. Лучше сразу скажи правду.

Не сводя с меня глаз, подцепил грубо сколоченный табурет и сел на него, уровняя наши взгляды.

- Аверьян, - произнёс Ярополк. - Ты погута́рь с барышней, а я до казармы отлучусь. Карaulных надо проверить, - и удалился, оставив нас наедине.

Ну как наедине, не совсем. Рядом дышали и прислушивались к нашей беседе раненные, кто не спал. Несколько раз слышался стон бредившего больного, создавая натуралистическую картину вокруг. Я поёжилась, представив, что реально попала в прошлое и этот жест не укрылся от мужчины.

- Боишься меня или замёрзла? – дёрнул подбородком.

- Все понемногу, если честно.

- Говор у тебя странный. Откуда ты? – прищурил взгляд.

- Местная, - призналась и, чуть заикаясь добавила: - С Инкермана.

Мужчина, сделав вид, что поверил, кивнул.

- Как рана? – устремил взгляд на плечо и вскинул руку, но тут же спохватился и вернул к себе на бедро.

- Побаливает. Но врач сказал, пуля срикошетила и что я везучая.

- Прости еще раз. Ненамеренно попал.

- Прощаю.

Мужчина поднялся и, немного подумав, сказал:

- Отдыхай. Завтра увидимся.

Развернулся и пошёл прочь.

- А Вы будете меня караулить? – крикнула ему в спину, заставив остановиться и обернуться.

- Да. Приказ капитана. Спокойной ночи, Аксинья.

Тут послышался голос второго кавалергарда, вошедшего в лазарет.

- Ну, что, узнал, что-нибудь у девчонки?

- Нет, Яр, только то, что она местная.

- Жаль. Кстати, Аверьян, в казарме шепчутся, что ты как в народной сказке – подстрелил лягушку, а она враз девицей обернулась и теперь ты должен на ней жениться, - рассмеялся Ярополк.

- А ты и рад потешиться надо мной, Яр. Если у нее начнется жар, я себя изведу..., - голос стал тише, а потом и совсем замолк, когда мужчины покинули помещение.

Я наконец откинулась на подушку и прикрыла глаза. Сонливость и отчаяние навалились разом.

Глава 8. Ночная ваза.

Ночь прошла беспокойно. Непривычная обстановка и ноющая боль в плече, тугая повязка – не располагали ко сну. Я лежала на другом боку или спине. Мужчины тоже ворочались и тихо стонали. И я в который раз удивилась: зачем они себя так ведут или почему? Но сил подняться и подойти ближе, спросить у лежащих не было. Тело все еще было слабое. Немного гудела голова и мучила жажда. А еще насекомые: комары, мухи и муравьи. Неужели у съёмочной группы нет реппелентов с собой?

Едва забрезжил рассвет, я села в постели. Натуральные позывы требовали высвобождения, а я так и не спросила, где у них расположен туалет. Терпела всю ночь. На полу, у кроватей мужчин, я видела ночные вазы. Горшки! Кошмар! Неужели они и правда ходят в них? И меня не разочаровал один из больных. Мужчина, что накануне паялся на меня, тоже проснулся и, свесив руку, подхватил ночную вазу, проскрипев днищем по деревянному настилу. Я завороченно уставилась на него: неужели прямо тут сходит в горшок? И да, мужик откинул байковое одеяло и, достав свой мужской причиндал, помочился в вазу, оглашая стыдливым журчанием маленькое помещение.

Глаза мои полезли на лоб. Так и хотелось ему сказать: ты вообще конченный, ссышь в него! Сходи в туалет, не изображая тяжело раннего и не ходячего!

Прогремев крышкой, мужчина вернул его на место и с шумом задвинул под кровать. А я застыла, шокированная его поведением. Значит, не для антуража, а реального использования горшки стоят.

Я же не собиралась сикать на глазах у десятка мужчин. Мне хватило и вчера в свидетели поручика. Нужно было срочно выбраться из лазарета и отыскать, как они выразились, нужник.

Я огляделась в поисках чем бы прикрыться. Китель поручик забрал с собой, а в тонком сарафане я замерзну, пока отыщу их ватерклозет. На спинке пустующей кровати я обнаружила толстый, стеганный халат. Закутавшись в него и надев кеды, я тихонько двинулась вдоль ряда к выходу, старясь бесшумно ступать и не смотреть по сторонам, хотя боковым зрением чувствовала пару глаз, меня провожающих.

Скрипнув дверью, вышла наружу и остановилась на крыльце. Огляделась. Природа затевала рассвет. Ночная дымка сизого тумана рассеивалась, уплывая в горы. Воздух, наполненный запахом догорающих костров, диких трав и росы, бодрил, и я поёжилась от прохлады, покусыва-

вающей мои голые икры, радуясь, что надела халат. Кони, загнанные в стойло неподалеку, то и дело оглашали пространство похрапыванием и ржанием, предвкушая утренний выпас.

И куда мне идти? Где он их туалет?

- Барышня чего-то ищет? – спросил кто-то и я от испуга вскрикнула и схватилась за горло.

- Ты контуженный? Напугал меня! – набросилась с обвинениями на приближающегося парня в форме с ружьем на плече. – Туалет я ищу! Ясно тебе? Где чёрт побери у вас душевая комната?!

Парень обалдел от моей нападki, а мне вот вообще стало не смешно.

- Э... Так ночной горшок же есть у Вас, - проямлил и, смутившись, отвел взгляд в сторону. – Не обязательно на улице нужду справлять.

- Давай я сама решу где мне ее справлять!

Я спешно продела руки в рукава халата и, подвязав его поясом, спустилась по ступеням на землю. С вызовом посмотрела на солдата, решительно отстаивая свой интерес.

- Я Вас провожу, - откашлялся и, махнув рукой, повел в сторону соседнего строения.

В полумраке я едва могла различить тропинку, семена за караульным, и когда он привел меня в тот самый отхожий угол, я все же не сдержала возгласа удивления.

- И это... ваш..., ваш...

- Нужник, - подсказал парень и нервным жестом поправил фуражку. – Для офицерского чина есть другой, а мы, солдаты его Величества, тут справляем.

Солдат его Величества!? Чуть не заржала от его высокопарности, но побоялась, что надую прям в трусы. Спорить и возражать, как мне не нравится всё их обустройство, не осмелилась и даже пожалела, что не пожурчала в ночную вазу, как тот мужик.

Прямоугольное, грубо сколоченное строение с тремя скрипучими дверцами на выбор, со специфическими запахами – вот он их нужник. Однозначно в поле сходить было комфортнее, даже если при этом мой зад щекотали дикие травы. А я, наивная, себе нафантазировала белый фаянс в поле и водопровод.

Послав недовольный и предупреждающий взгляд сопровождающему, решительно зашла в отхожее место. Было темно и страшно и я, идя на поводу природных инстинктов, быстро завершив свои дела, буквально выскочила наружу.

Парня не увидела, зато услышала мужские голоса за углом. Притаилась за кустом, прислушиваясь. Мужчины курили и огоньки от папирос мелькали возле их лиц, словно горящие мотыльки.

- Как думаете, поручик, а девица свободная или крепостная?

- А тебе что с того, Лёнька? Даже если ничейная, то тебе точно не достанется, - деловито изрек его собеседник и затянулся. – Ну сбежала из дома или мужа – найдут ведь ее и обратно вернут.

- А Вы что?

- А что я? Я извинился. Если она из барских, штраф выплачу. Если крепостная, вернем хозяину.

Я узнала во втором собеседнике Сташевского и мне показалось сожаление в его словах, будто он имел какие-то виды на подстреленную добычу в виде меня. Сердце мое невольно пустилось вскачь. Слушая их диалог, с ужасом обнаружила, что они реально считают меня сбежавшей из родительского дома. Все окружающие вели себя весьма странно и никто не желал меня понимать или чего-либо объяснять.

Решив, что прятаться нет смысла, выбралась из тени дерева и окрикнула мужчин:

- Эй, а где мне можно руки вымыть? Умывальник есть?

Сташевский стоял ко мне спиной и, услышав мой окрик, резко обернулся. Затушив окурок о ладонь, посмотрел осуждающе.

- Что это Вы бродите по ночам, Аксинья? – грубовато спросил поручик и сделал ко мне два шага. Остановился и пристально посмотрел в мои глаза.

Я оторопела от его претензий. Но, решив, что он насмехается, расправила плечи и дерзко заявила:

- Гуляю! Нельзя? Или я под арестом? Пленная, да?

Сташевский крикнул от неожиданности и, наклонившись ко мне ближе, тихо сказал:

- Можно сказать и так. Капитан еще не решил, что с тобой делать. После завтрака велел тебя привезти к нему на допрос. А до этого глаз не спускать.

Я прочла в его взгляде решимость и недоверие и невольно вздрогнула. Неужели я что-то натворила такое, за что меня могут привлечь к суду?

- Хочу напомнить Вам, поручик, - постаралась придать уверенность голосу, - что это не я кого-то подстрелила и вины за собой не вижу.

Сташевский раздул ноздри и с шумом выпустил воздух, едва не выругавшись, и так посмотрел на меня, что мне сделалось стыдно, что я снова напоминаю ему о промахе.

- Идёмте, Аксинья, я Вас провожу до лазарета, - и подал руку.

- Умывальник! – напомнила и резко отстранилась, не позволяя себя схватить. – Руки грязные, - улыбнулась, извиняясь.

- А, да. Иди за мной.

И он пошел в ту сторону, где располагалась столовая, если можно ее так назвать. Я мельком взглянула на конвойного, молчаливо спрашивая, что мне делать, в ответ получила кивок головой в сторону поручика и кривую усмешку. Однозначно, что Аверьян был главнее и этот парень пребывал в его подчинении.

Я, подхватив тяжелые полы теплого халата, припустила за поручиком, который маршировал так, будто шел в строю: четко, размашисто, с прямостоячей головой, уверенный, что я иду следом.

- Вы не могли бы идти чуть медленнее? В темноте и неизвестной местности я еще и ногу могу подвернуть! – не удержалась, чтобы не поддеть его.

- Какая же ты язва! – он резко остановился и я буквально врезалась в спину поручика, успев вскинуть руку, уперлась ладонью в плечо. – Руку дай, - развернувшись, он схватил меня за запястье и повел за собой.

- Я просто прошу быть учтивее. Ай, - дернулась, когда ощутила боль в раненом плече.

- Что? – он резко остановился и спросил с волнением. – Плечо болит?

- Ну так, немного дает о себе знать.

- Обязательно Растегаеву покажи.

- Конечно, покажу!

На краткий миг я растерялась от его близости. Снова. В который раз ощутив тремор в конечностях. Жар на щеках от пристального взгляда голубых глаз, которые даже в темноте сияли словно горячие звезды в ночи.

Сташевский провел легонько большим пальцем по выступающей венке на запястье и, тяжело вздохнув, отвернулся. Видно и ему становилось неловко в моем присутствии, а может неустанное чувство вины за ранение стыдило, всякий раз напоминая о промахе.

На заднем дворе столовой располагался колодец, откуда поручик зачерпнул воду деревянным ведром и отнес к столу. Длинный стол-стеллаж, заставленный с одного края разной кухонной утварью: ведра, тазы, черпаки и кастрюли. И я поняла, что тут они моют посуду. Керосиновые лампы, огарки свечей стояли на краю. В жестяной банке - зола и пепел, белый порошок в другой, похожий на песок с глиной. Все как в прошлом веке и я, в который раз, поразились натуральности экспонатов для съёмок.

- Вода холодная. Горячая будет только через час, когда Степан растопит печь.

- Ничего страшного. Лето же, не замерзну.

Я зачерпнула деревянным ковшом воды из ведра и полила на руки. Потом неловко умылась. Вода из колодца бодрила, пахла приятно, и я даже сделала несколько глотков из чаши ладони, поняв, как жажда мучает меня. Пока я совершала утренний моцион, Сташевский, стоя неподалеку и, покуривая, неотрывно все это время смотрел на меня. Изучающе, пытливо, будто на диковинное существо, постоянно смущая. А потом, неожиданно заявил:

- Ты очень красивая, Акси́нья..., - произнес хриплым голосом. – Мысли загонял, гадая откуда ты в поле взялась...

Я хмыкнула, не поднимая головы. Откуда вот вы взяли там, где быть не должны? Кто тот таинственный незнакомец с зелеными глазами в пещере? И как я, упав со скалы, не расшиблась – вот что меня мучило. И следом мысль: как сбегать из лагеря и добраться до Чуфут-Кале? Потому что просто так отпускать меня, кажется, никто не собирался.

Глава 9. Лагерь

В лазарет я не вернулась, окончательно проснувшись. Солнце почти встало над холмами и лагерь зажужжал, зажил повседневной жизнью. Конюхи потянули лошадей из стойла к реке. Из кухни на крыльцо вышел лопоухий паренек с ведрами и помчался за конями, крича невнятные слова.

Я сидела на скамье под навесом и наблюдала за людьми, и чем больше смотрела, тем тревожнее мне становилось на душе. Поведение актеров настораживало, а их удерживаемая роль поражала. Моментами мне казалось: я схожу с ума, потому что начинала думать, что я попала в прошлое. Или крепко сплю. Проснусь вот, позвоню подруге и тогда посмеемся с Варькой над моим кратковременным безумием.

Хотелось искупаться и выстирать сарафан, который был испачкан не только кровью и пылью, но и потом. Конским, моим, мужским...

- А где Вы купаетесь, господин Сташевский? – окрикнула своего надсмотрщика. – Или прачечная у вас есть?

Он стоял неподалеку и чистил лошади копыта. Или подбивал подкову – я не очень разбиралась в уходе за лошадьми.

Сташевский опустил ногу коню и, обернувшись, недоуменно посмотрел. Может не слышал? Я вышла из-под навеса и подошла ближе.

- Хотелось бы помыться и постирать одежду, - демонстративно распахнула полы халата и показала ему запачканный сарафан. – Если, конечно, это возможно...

Сташевский залип на демонстрации моих голых ног и, кашлянув, отвел взгляд в сторону.

- Баню топим единожды в неделю. Но для больных в лазарет сестры носят горячую воду с кухни. Спроси у Степаниды или Авдотьи Никитичны, - посмотрел на меня вновь.

Я покивала головой и вернулась на скамью. Все больше людей заполняло пространство двора и я невольно оказалась в центре внимания. Кто-то из мужчин кивал головой, приветствуя меня поутру и разглядывая с любопытством, но большинству не было до моей персоны дела. Я все думала о том, что надо бы дождаться завтрака и, забрав рюкзачок, по-тихому свалить от съемочной группы.

Ярополк, увидев меня, заулыбался и, отбившись от толпы других кавалергардов, направился в мою сторону.

- Доброго утречка, красавица! Уже бодрствуете, Акси́нья?

- Спасибо и Вам! Да, встречаю рассвет, как видите.

Мужчина подошел к чану с водой и, зачерпнув ладонями, умылся, фыркая и трясая головой. Вытерев капли влаги со лба тыльной стороной ладони, сел на край скамьи и медленно осмотрел меня.

- Как Вам спалось, царевна-лягушка? – спросил Ярополк и глаза его засветились лукавыми искорками.

- Яр, перестань приставать к девице, - рявкнул на него Сташевский, усаживаясь рядом, и меня охватило раздражение: кто он такой, чтобы командовать?

- Лягушкой никогда не была. А уж царевной и подавно, - ответила с улыбкой и плотнее свела полы халата. Под их взглядами стало неловко. – Но в целом терпимо. Надеюсь, сегодня отправиться домой.

Мужчины вопросительно переглянулись и мне показалось в их взглядах немое обсуждение моей персоны.

- Значит, ты не из знатных фамилий? - после паузы спросил Сташевский.

- Ну, не знаю. Если считать Антона Павловича Чехова моим дальним родственником, то вполне и знаменитая, - хохотнула.

Но, видя их недоуменные лица, сникла. Видимо, мою шутку парни не оценили. А про Чехова как будто совсем не слышали, что само по себе странно.

К нам подходили другие военные, делились сигаретами, новостями, чистили своих лошадей. Двое принялись колоть дрова и носить внутрь деревянной постройки. А я все больше недоумевала происходящему, а вопросы задавать не решалась, боясь показаться глупой.

На крыльцо внутреннего двора вышла тучная женщина в красном платке, завязанным узлом на затылке, в черном платье и переднике не первой свежести и, треснув о днище котелка половником, огласила:

- Солдатушки, поторопитесь принести мне воды и дрова, а то голодными останетесь. Лёнька, - окрикнула ночного караульного, - а ты марш в огород лука надери и ботвы свекольной. Твоя очередь.

Лёнька возмутился, но его сослуживец, выхватив ружье, подтолкнул друга вперед, потирая плечо.

- Это наша Степанида. Уже тумачи спозаранку раздает.

- То-то Степа ее на сене в сарае спит, в обнимку с бутылкой бражки, - и мужчины рассмеялись.

Я решила сходить в лазарет и собрать свои вещи, пока готовится завтрак. Мужчины были заняты разговорами, а я тихонько просочилась и ушла. Мне не показалось: Сташевский только делал вид, что не смотрит за мной, а стоило отойти, как я ощутила на спине взгляд его пронзительно синих глаз. Невольно обернулась и точно – смотрит прямо на меня, при этом слушает собеседника.

Я быстрым шагом дошла до крыльца больницы и, едва дернув на себя дверь, чуть не упала, столкнувшись с медсестрой Расстегаева - Авдотьей.

- Ой, милая, а я тебя ищу. Зашла в комнату, а хворые говорят, нет тебя. Ушла на двор и с концами.

- Простите, что напрягаю Вас.

Я кратко пояснила причину своего исчезновения. Женщина спросила, как я себя чувствую и не болит ли плечо, пригласив после завтрака показать рану доктору.

- А вы где кушаете? – спросила медсестру. – А то мне неудобно среди мужчин находиться.

- Иван Иванович у себя в комнате ест. А я и другие сестры в коморке. Приносим с кухни еду больным и себе заодно.

Значит, больные и правда существуют. Но я не хотела вдаваться в подробности, как ими становятся, а, покивав, обошла женщину и направилась к месту своего ночлега.

Некоторые мужчины уже проснулись и переговаривались. Один из них поднялся с кровати и, держась за металлическую спинку, пытался доковылять до окна. И когда я дошла до середины комнаты, меня заметили проснувшиеся и уставились.

- Доброе утро, - улыбнулась им. – Я вернулась за своими вещами, - и, стараясь не привлекать внимания, быстро добралась до своей кровати.

- Кто она такая, Елизар? – послышался голос одного из мужчин за моей спиной. – Новая медсестра? И почему с нами ее поселили? - недоумевал собеседник некоего Елизара.

- А Бог её знает, Тимоша. Поговаривают, что с охоты поручик Сташевский трофеем добыл, - каркающим голосом рассмеялся говоривший.

Я усмехнулась их любопытству. Забрала рюкзачок, заправила постель и, немного подумав, стоит ли снимать позаимствованный больничный халат, все же стянула с плеч и вернула на спинку кровати.

- Выздоравливайте и прощайте, - пожелала мужчинам напоследок и пошла к выходу.

- Эй, дева, стой, - крикнул мне в след тот, что курил у раскрытого окна, и я обернулась.

- Мы не успели познакомиться... – мужчина переступил с ноги на ногу и поморщился от боли.

Я растерянно оглядела их лица, не желая делиться мыслями и тут на пороге комнаты появился поручик.

- Аксинья, Вы куда запропалились? – брови его были сурово сведены, в глазах укор.

- Рюкзак забирала. И больные ваши меня отвлекли, - добавила с ехидством.

Он оглядел мой внешний вид и сделался еще больше недовольным. Придержал передо мной дверь и мы вышли за порог.

Сташевский шёл рука об руку, то и дело поглядывая на мой профиль. В конечном итоге я не выдержала и поинтересовалась:

- Я как-то странно выгляжу? Почему с меня глаз не сводите?

- На тебя приятно смотреть, - и губы его дрогнули в улыбке. – Ты так и не сказала, как попала на охотничьи угодья. Кто твой батюшка, Аксинья?

Видимо его раздирал интерес ко мне лично, в частности мое генеалогическое древо.

- Обычные отец и мать. Среднестатистическая семья. Я студентка медицинского вуза. И перестаньте меня называть этим именем, - остановилась и посмотрела на поручика. - Я Ксюша вообще-то.

- А мне так больше нравится.

- Ладно, фик с тобой, - пробурчала под нос и отвернулась. – Не скажите, что за фильм снимаете? Или это секрет? Я никому не скажу, - разглядывая натуралистические декорации военного лагеря.

В ответ Сташевский вопросительно поднял брови и повертел головой. Ну и кто из нас ушибся?

Остаток пути мы прошли в молчании. Мужчины уже сгрудились на краю стола в ожидании порции завтрака. На этот раз руководила кормлением военных громогласная Степанида, черпая большим половником из высокого котелка густую, желтую массу.

Сташевский подхватил две плошки и двинулся к поварихе, расталкивая локтями остальных. Мне эта толчея напоминала очередь на перемене в нашу столовку в вузе. Что взрослые мужики, что студенты вели себя одинаково: шумно, суетливо, препираясь друг с другом и подшучивая над раздатчицей.

Я присела у края стола, ожидая возвращение поручика. Живот в предвкушении пищи заурчал и, если бы не голод и длинная дорога до пещеры, я бы не осталась завтракать.

- Пшенка сегодня, - оповестил Аверьян, ставя передо мной тарелку с кашей. – И маслица не пожалела Степанида. М-м-м, - он не сдержался и облизал ложку.

Кашка у поварихи и правда удалась, хотя и пшено плохо шлифованное, с шелухой. А на открытом воздухе вкус её был каким-то особенным. Мужчины погрузились в поглощение пищи и лишь скобление по тарелкам, да стрекот сорок нарушали атмосферу за столом. Закончив завтрак, я пошла вымыть посуду к колодцу и, поставив её в горку с другой, вернулась за рюкзачком.

- Ну, мне пора уходить, - посмотрела на Сташевского, отвлекая от разговора с Ярополком и незнакомым мне пожилым мужчиной. – Спасибо за приют, господа актеры-офицеры, - улыбнулась. – Но как говорится пора и честь знать.

- Куда это ты собралась? – Сташевский вскочил со скамьи и уставился на меня.

- Одна собрались, барышня? – округлив глаза, спросил Ярополк.

- Э, ну как куда, домой. Пешочком прогуляюсь до ближайшей трассы, а там транспорт поймаю. К вечеру буду в Симферополе.

Ярополк и Аверьян взволнованно переглянулись и поручик, вспомнив о моем ранении, спросил:

- Разве ты не покажешь рану доктору? – выразительно взглянул на руку.

- Да все нормально, - положила ладонь на плечо и слегка потерла. - Домой вернусь и сразу в поликлинику обращусь. Спасибо еще раз за приглашение к завтраку, ночлег, но думаю я и так вам сорвала постановку.

И только я развернулась по направлению к выходу из лагеря, как чужая рука схватила меня за локоть и остановила.

- Не получится, Акси́нья, - сурово произнес поручик. – Вы задержаны для допроса.

- Что?! – я невольно вспыхнула и выразительно взглянула на сжатые пальцы поручика, удерживающие меня за здоровую руку. – Какого еще допроса?

Мне не понравился его сузившийся взгляд и настойчивая властная хватка.

- Идемте в штаб.

Глава 10. Шпионка?

- Что? Куда Вы меня ведёте? – попыталась сопротивляться.

- Капитан Маслов велел Вас привезти к нему, - затормозил на миг, но вновь потянул за собой.

О! Еще мне не хватало снова увидеться с этим подозрительным и напыщенным мудаком.

- А можно узнать: зачем меня будут допрашивать? По поводу ранения Вами?

- Сейчас сама узнаешь. Но лучше говорить правду. Петр Андреевич не любит, когда юлят. В подвале запросто закрыть может.

В подвал?! За что? Меня распирало спросить, но язык не повернулся. Может я сплю и снова снится бред? Все от того, что я Роме помогала с рефератом по русско-крымской войне, вот и разыгралось воображение!

- Но позвонить я хотя бы могу? – раздражённо топнула ногой. – Дайте мне телефон! Я имею право на звонок близкому человеку.

- Никак нельзя, Акси́нья, - и лицо его приобрело непроницаемую маску.

- Это ещё почему?!

- Здесь нет телеграфа. Село глухое, фонари и те не зажигают, - продолжал говорить поручик, ведя меня под руку к отдельно стоящему зданию в два этажа.

Плечо заныло от напряжения, но я, сцепив зубы, молча терпела боль. Утешая себя тем, что мы сейчас разберемся с недоразумением, надо мной повеселится съёмочная группа и поздравит меня с актерским дебютом.

Но спустя время я круто обломалась.

Мы прошли мимо часового с винтовкой на плече, которому Сташевский лишь кивнул, и завел меня внутрь здания. В помещении сновали мужчины в форме, лица некоторых я видела на охоте и за столом, а незнакомые вопросительно смотрели на меня и поручика. Мы поднялись по деревянной скрипучей лестнице на второй этаж и, пройдя по узкому сумрачному коридору, подошли к двери того самого начальника.

Сташевский для приличия постучал в дверное полотно и, тут же открыв дверь, отошел в сторону, пропуская меня вперёд.

В глаза бросилась скучная обстановка рабочего кабинета: два стола, за одним из которых сидел хмурый капитан, и ряды деревянных стульев по обеим сторонам, низкий двухстворчатый шкаф в углу. Бегло оглядев помещение, я посмотрела на начальника.

- Здравствуйте, - поздоровалась первая и остановилась на входе, от чего-то чувствуя себя неуютно. – Вы хотели меня видеть?

- Вызывал, - поправил меня мужчина и указал взмахом руки на ближайший к нему стул. – Проходите сударыня.

- Пётр Андреевич, позвольте остаться? – подал из-за спины голос Сташевский.

- Разрешаю, Аверьян Андреевич, - и выразительно посмотрел на меня.

Мне не осталось выбора как пройти и занять стул. Поручик же, сложив руки за спиной, остался на входе. Боится, что я дам дёру, а он тут как тут, меня перехватит? Улыбнулась мыслям, но, заметив с каким пристальным вниманием рассматривает меня Пётр Андреевич, нахмурилась в ответ.

- Итак, сударыня Акси́нья Чехова, откуда Вы? Как попали в охотничью долину и с какой целью прыгнули под копыта коней?

Мужчина, сложив пальцы домиком, подался ко мне и пытливо посмотрел в глаза. Глазки-бусины и практически лысая голова, багровое лицо напомнили мне вареного рака. А тонкие усики, нервно подрагивающие при каждом движении, завершали образ ракообразного.

Я спрятала улыбку, опасаясь не к месту рассмеяться и повторила ему то, что сообщила накануне при первой встрече. И чем больше я говорила, тем более скептическим становился его взгляд. Сташевский откашлялся и прошелся по комнате, напоминая о себе.

- А мне думается другое, сударыня.

- И что же? – я завелась и начала дерзить.

- Что Вы сбежали из отчего дома со своим кавалером или сообщником, вероятно иностранным шпионом, подосланным вражескими государствами. И у меня есть основания Вас задержать до выяснения личности. А вздумаете сбежать – бросим в темницу. Что-то вы явно не договариваете, сударыня!

Что?! Я - сообщница шпиона? Да мужик спятил! Отыгрывает роль на мне? Как же меня уже раздражала вся эта игра актеров и быт царского века!

- Вы... хотите сказать, что я пособница шпионажа? Вы серьёзно? – подалась к нему, не веря в услышанное.

- Приказ его величества царя выявлять подозрительных личностей. Я не верю не единому сказанному Вами слову. Если Вы сбежали из родительского дома – поясните причину, - продолжал делать все более нелепые выводы Маслов. - Если из беглых крепостных, то мы должны разослать письма градоначальникам ближайших губерний о нахождении на территории лагеря крестьянки, тут он выразительно посмотрел на мои плечи, руки. - Хотя по твоему виду не скажешь, скорее барская дочка: белые, нежные ручки, необветренная кожа лица..., - с этими словами капитан перегнулся через стол, наклонился ко мне и дотронулся пальцем до моей щеки, от чего я невольно вздрогнула и резко отстранилась.

Поручик уселся напротив и косился на меня не менее подозрительным взглядом. А я подняла взгляд и вперилась в изображение на портрете над его головой: образ царя Николая I. Я встряхнула головой, посчитав, что от волнения воображение играет злую шутку. Ведь вместо лица одного из представителей дома Романовых должен быть изображён действующий президент России, но контурные карты, развешенные по стенам вместо картин – старые, выцветшие с пометками из красных флажков и сдвинутыми границами доказывали обратное. За грудиной ёкнуло, в горле образовался ком и я не могла произнести ни слова в свою защиту – открывала и закрывала рот, словно выловленная из воды рыба.

- У Вас есть с собой метрика, Ксения Чехова? – продолжал допрос капитан, при этом он явно не верил, что меня зовут именно так.

Метрика? Он имеет в виду паспорт? Я повертела головой в стороны. Я не брала его, когда отправляюсь на пикник.

- Значит, документов при себе не имеете, - Маслов вернулся в исходное положение и переглянулся с поручиком.

Я медленно повернула голову и посмотрела на Сташевского, который поднялся со стула, напряженно ожидая дальнейших указаний начальства.

- Именем государя Николая Павловича приказываю Вам оставаться в лагере под надзором поручика Аверьяна Андреевича, - произнёс капитан Маслов и сердце моё пропустило удар.

Как это остаться в лагере?! На сколько? Должно быть удивление отразилось на моем лице и оба мужчины замерли, ожидая немедленную реакцию.

- Простите, а который сейчас год? – неожиданно для всех спросила, неотрывно глядя на давно покойного царя.

Мужчины недоуменно переглянулись. Поручик откашлялся и пожал плечами на невысказанный вопрос капитана.

- Июнь 1854 года от Рождества Христова, - с расстановкой ответил Маслов.

- Вы хотите сказать, что сейчас не двадцать первый век? Вы же шутите? Прошу Вас, скажите что это неправда! – взвизгнула и смолкла, таращась на лица мужчин, которые стали резко размываться, превращаясь в тощие фигуры-точки.

- Кажется, барышня сейчас в обморок хлопнется, Аверьян..., - донёсся тревожный голос мужчины.

Вероятная реальность накатила удушающей волной и я стала задыхаться. На миг представила, что я и правда провалилась во временной тоннель и попала в далекое прошлое. Схватившись за край стола, пыталась удержать равновесие, но пальцы не слушались, мебель скользила, и я повалилась со стула на пол. Вскрикнула, больно ударившись плечом, и спасительная тьма накрыла густым покрывалом разум.

- Держите ее голову, Аверьян, - доносилось откуда-то из глубины.

- У ней приступ падучей болезни, - ответил взволнованно другой. - Смотрите, чтобы язык не запал.

- Да нет, не бьется вроде. Ровно дышит.

- Глянь: глаза закатили. Плесни на неё воды.

Я чувствовала человеческое тепло, грубую ткань под щекой и мужские голоса продолжали переговариваться в моей голове, возились рядом, трогали меня, поднимали на руки и куда-то несли, а я боялась открыть глаза и увидеть новый для себя мир, мир прошлого, который давно канул в историю там, где я жила и который реально существовал для моего тела.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.